ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 66 (2381) Среда, 24 декабря 1947 г. Цена 40 коп.

НОВАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Воскресенье 21 декабря 1947 года принадлежит к тем знаменательным датам, которые остаются в памяти народа, как исторические вехи на победном пути к коммунизму.

В этот поистине праздничный день народы Российской Федерации, Украины, Армении, Молдавии и Карело-Финской ССР выбирали депутатов в местные советы. Не только вся наша страна, весь мир в этот день следил за торжественным и величавым событием, которое происходило в пяти советских республиках.

21 декабря войдет в историю, как новая победа нашей демократии, как новое свидетельство нерушимой монолитности народа, строящего коммунизм.

Рабочие московского Электрозавода и хлеборобы Полтавщины, строители Севана и карельские лесорубы, миллионы простых людей в разных концах нашей Родины снова продемонстрировали свой беззаветный патриотизм, свою нерушимую верность великой большевистской партии, свою горячую любовь к творцу социалистической демократии, к вождю коммунизма, родному Сталину.

Еще не подведены окончательные итоги выборов. Но уже предварительные подсчеты, которые произведены избирательными комиссиями, и волнующие сообщения, поступившие из республик и областей, наполняют радостным и гордым чувством сердце каждого советского человека.

В среднем повсюду в голосовании участвовало 99 процентов избирателей!

С таким единодушием, с таким под'емом, с такой заинтересованностью в общенародном деле могут голосовать только граждане первого в мире социалистического государства.

Какая еще страна может похвастать столь ярко выраженной политической активностью, столь высоким уровнем общественного сознания!

В Соединенных Штатах Америки средний процент участвующих в голосовании весьма редко превышает половину имеющих право голосовать, там в иных местностях голосует лишь..., два процента избирателей. Откуда такое равнодушие американских граждан к выборам? Видимо, простые люди США хорошо знают цену долларовой «демократии» и ничего доброго не ждут от тех, кто баллотируется в их органы власти.

Какая светлая вера в нашу советскую демократию, какое доверие к народным кандидатам, какое высокое стремление участвовать в важнейшем политическом событии стоит за цифрой — 99 процентов!

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся снова завершились полным торжеством сталинского блока коммунистов и беспартийных, символизирующего сплоченность нашего народа. Все кандидаты этого могучего блока получили полную поддержку избирателей. Они облечены доверием и властью в таком единстве, какое немыслимо ни в каком другом государстве.

С каким восторженным чувством, с какой любовью и преданностью отдавали свои голоса родному вождю избиратели Сталинского округа Москвы! Задолго до начала выборов, в предутренние часы сотни и тысячи патриотов собрались у избирательных участков, ибо каждый мечтал о чести и счастье первым опустить свой бюллетень, первым выразить свою любовь к Сталину.

К полудню проголосовали все до единого избиратели округа.

Тысячи гостей Москвы, оказавшихся в этот день в столице, имевших на руках удостоверение на право голосования, стремились осуществить это почетное гражданское право там, где голосуют за Иосифа Виссарионовича. Сибиряки и уральцы, ленинградцы и киевляне, севастопольцы и горьковчане побывали в Сталинском округе, принося слова любви и привета от имени тысяч своих земляков. И когда после 12 часов ночи были вскрыты урны, оказалось, что все голоса до единого были отданы за кандидатуру друга, вождя, отца.

Сколько волнующих патриотических надписей было начертано на бюллетенях! Сколько светлых благодарных строк, написанных от всего сердца, от всей полноты нахлынувших чувств!

В местные Советы депутатов трудящихся, наряду с выдающимися государственными деятелями, учеными, мастерами искусств, известными всей стране, были избраны тысячи простых людей, рабочих, колхозников, интеллигентов—передовиков социалистического труда. Такова уж природа советской демократии, что она глубоко народна и к высотам власти приводит тех, кто живет интересами народа, отдает ему все свои знания и таланты.

Вот почему с такой охотой, с таким доверием и любовью отдавали избиратели свои голоса людям, чья жизнь и труд служат залогом их будущей прекрасной деятельности на благо трудящихся, во славу отчизны.

Кому бы ни отдавали свои голоса советские люди, всем сердцем они голосовали за Сталина. Все пять республик, проводивших выборы, превратились 21 декабря в огромный единый Сталинский округ.

Всюду и везде патриоты отдавали свой голос за Сталина, за Родину, за коммунизм! И тем самым они выражали свою готовность и впредь служить беззаветно и преданно делу Ленина—Сталина, делу коммунизма!

В этой монолитности народа выразилась вся мощь советской государственности, социалистического строя, все величие нашей справедливой демократии. В этом выразилось могущество нашей страны, идущей в авангарде человечества.

Несокрушима эта мощь! Непреоборима эта правда! Огромна притягательная обнадеживающая сила этой правды для всего передового человечества.

Есть над чем призадуматься международным стяжателям и политическим бандитам, душителям демократических свобод, ополчающимся не только против советского народа, но и против своих соотечественников.

21 декабря — еще одно внушительное напоминание зарвавшимся господам, занесшим над миром свои загребущие лапы.

В числе новых народных избранников немало советских писателей. Как и на предыдущих выборах, народ оказал великую честь нашей литературе, выдвинув выдающихся ее представителей в органы власти. Это волнующее доверие налагает на советских писателей новые и новые высокие обязательства. Оказывая писателям такую честь, избиратели ждут от писателей не только активной деятельности в качестве депутатов, но и новых произведений. Государственная деятельность литератора неразрывно связана с его творчеством. О нем судят прежде всего по его книгам. Каждая удача писателя—это явление не только художественное, но и глубоко общественное.

Советские писатели еще в большом долгу перед народом. Какие замечательные книги предстоит написать, чтобы хоть в малой доле выразить творческий и политический под'ем народа-созидателя!

Советская литература — самая демократическая литература мира. Она кровно связана с миллионами простых людей. Она служит общенародному делу. И партия, народ радуются удачам писателей, откровенно и прямо критикуют их неудачи. В этом сила, в этом залог развития советской литературы.

Писатели должны быть достойны народа, который 21 декабря с новой силой продемонстрировал миру свою великую демократию, свое единство и могущество, свою веру в победу коммунизма, свою верность большевистской партии, свою любовь к великому Сталину.

ПИСАТЕЛИ—ИЗБРАННИКИ НАРОДА

Окружные избирательные комиссии вручили удостоверения писателям, избранным в депутаты Московского областного, городского и Краснопресненского районного Советов депутатов трудящихся.

Депутатом Московского областного совета избран А. Первенцев, Московского городского совета — А. Фадеев, Л. Леонов, Вс. Иванов, Н. Вирта, С. Михалков, А. Сурков и Краснопресненского районного совета — И. Андроников, А. Карцев и В. Смирнова.

***

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В числе кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, избранных депутатами Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, — пять писателей: А. Прокофьев, Б. Чирсков, Л. Рахманов, В. Кетлинская и главный редактор «Звезды» В. Друзин.

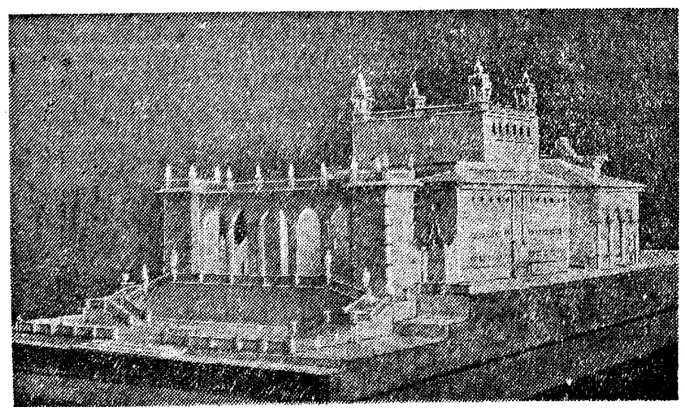
Депутатами Дзержинского районного совета избраны И. Соколов-Микитов, И. Груздев, К. Ванин.

Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы

ЦК ВЛКСМ совместно с Союзом советских писателей и Министерством просвещения РСФСР созывает в феврале 1948 года Всесоюзное совещание детских писателей. В совещании примут участие более 150 писателей и работников редакций детских газет и журналов.

Для участников совещания будут проведены творческие семинары по секциям прозы, поэзии, драматургии, научно-популярной литературы и критики детской литературы. Руководители семинаров — писатели С. Маршак, С. Михалков, Л. Кассиль, М. Ильин, В. Смирнова. К совещанию будет выпущен альманах из произведений детских писателей и приурочено открытие выставки детской книги.

Строительство театра в Улан-Удэ



Близится к концу строительство театра драмы и оперы в столице Бурят-Монгольской АССР. Этот первый в Бурят-Монголии большой театр воздвигается по проекту московского архитектора А. Федорова. Уже закончена кладка стен, строители приступили к установке сводов. Полностью сделана вся сценическая часть. Для того чтобы продолжать отделочные работы внутри здания зимой, поставлена и действует система отопления.

Одновременно большой коллектив художников приступил к оформлению строящегося театра. Художники Г. Рублев и Б. Иорданский представили эскизы большого плафона, который украсит зрительный зал. Тема: искусство народов Бурят-Монголии. Правительственную ложу театра оформляет заслуженный деятель искусств РСФСР, народный художник БМАССР Перенжаб Саминлов. Скульптуры на капителях, пилоны и другие лепные работы делает лауреат Сталинской премии Н. Томский.

Красивый, богато отделанный театр на 800 мест получат к 25-летнему юбилею Бурят-Монголии жители Улан-Удэ.

НА СНИМКЕ: макет строящегося в городе Улан-Удэ театра драмы и оперы.

ДАДИМ СТРАНЕ БОЛЬШЕ БУМАГИ!

У вас много резервов, товарищи бумажники!

* *

Где ваша слава!

ЛЕНИНГРАД. (Спец. корр. «Литературной газеты»). В просторном кабинете директора Ленинградской бумажной фабрики им. Горького мы увидели переходящее Красное знамя Совета Министров СССР. Но, увы, это знамя только временно в кабинете директора: коллективу горьковцев оно больше не принадлежит... Об этом с горечью и болью рассказывали нам и руководители фабрики, и начальники цехов, и рабочие. Десять месяцев фабрика им. Горького неизменно выходила победителем в социалистическом соревновании предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, а в ноябре фабрика потеряла знамя.

В декабре предприятие не только не сумело вернуть утраченную славу, но стало работать еще хуже. Что же произошло с одним из крупнейших предприятий бумажной промышленности, снабжающим бумагой более пятидесяти издательств Советского Союза, а по производству газетной бумаги занимающим второе место после Балахны?

Да, были перебои в снабжении электроэнергией, сказавшиеся отрицательно на нормальной работе фабрики. Но они были не только в декабре, а и в ноябре и в октябре. Сами руководители фабрики в откровенном разговоре с нами признали, что главная причина заключается не в перебоях подачи электроэнергии, а в другом.

Крупное предприятие не может жить, не думая о завтрашнем дне. А руководители фабрики, выполняя и перевыполняя план в недавнем прошлом, довольствовались достигнутым и не готовились к тому, чтобы выполнить пятилетку в четыре года. Фабрика задержалась на прежнем уровне и отстала от предприятий, идущих в авангарде соревнования за выполнение пятилетнего плана в четыре года. А ведь горьковцы могли и должны были итти в первых рядах!

Мы долго беседовали с тов. Щуко, прошедшим путь от рядового прессовщика до начальника крупнейшего цеха. Еще в прошлом году он, совместно с главным механиком тов. Грундом, разработал проект, коренным образом изменяющий технологический процесс изготовления бумаги на фабрике им. Горького. Осуществление этого проекта позволило бы, по единодушному отзыву специалистов, увеличить выпуск, улучшить качество бумаги, сэкономить большие средства и, наконец, высвободить большое число квалифицированных работников, в которых остро нуждаются все цехи. Проект получил одобрение, но дальше дело не двинулось. Между тем, трудно переоценить значение этого проекта для фабрики им. Горького.

Каждый, кто впервые видит бумажную машину, не может не восторгаться работой этого умного механизма, выпускающего 270 метров бумаги в минуту! Но, выйдя из бумажного цеха на лесную биржу, где подготовляется баланс, мы поразились той кустарщине, которая царит на ответственном участке. Несмотря на наличие электропил и корообдирочных машин, лесная биржа так же далека от современной механизации, как допотопная конка — от троллейбуса. Прежде чем баланс поступит в цех, где еловые стволы превращаются в древесную массу, каждое полено побывает в руках рабочих не меньше десяти раз. Его переносят с одного места на другое, перекладывают с тележки на тележку — грузят и разгружают, снова грузят и снова разгружают...

Конечно, давно можно было бы механизировать работу и на лесной бирже. Сейчас, когда необходимо использовать все резервы повышения производительности труда, механизация лесной биржи дала бы большие результаты.

В фабричной газете «Бумажник» мы прочли заметку инженера Смирнова, написанную в связи с обращением писателей к бумажникам. Автор ее сообщал о неиспользованных резервах и, в частности, совершенно справедливо указывал на недопустимое опоздание с вводом в строй еще одной бумагоделательной машины.

Не подумайте, что машина эта находится за тридевять земель; она здесь же, на фабрике. Машина действовала до войны, и сейчас речь идет лишь о быстрейшем ее восстановлении. Толкуя сегодня о ее пуске, руководители фабрики забывают о завтрашнем дне, об обучении людей, которые будут управлять этой сложной машиной.

О подготовке кадров следует сказать особо. Это самая острая проблема, и не только для фабрики им. Горького. Сеточник — центральная фигура бумажного производства. Чтобы овладеть этой специальностью, нужна многолетняя практика. Обычно молодой рабочий начинает свой путь с прессовщика, а затем постепенно осваивает специальности накатчика, помощника сушильщика, сушильщика, и, лишь пройдя все эти ступени, он становится мастером бумагоделания — сеточником.

За годы войны поредели ряды квалифицированных рабочих фабрики. С трудом были укомплектованы бригады сушильщиков и сеточников. Но стоит одному из сеточников заболеть или уйти в отпуск, как сразу перед начальником цеха встает вопрос: кем заменить его?

Можно смело утверждать, что подготовкой новых кадров для бумажных фабрик в Ленинграде никто не занимается, хотя всем известно, какой большой удельный вес занимают Ленинград и его область в бумажной промышленности. Еще в 1946 году было вынесено решение о создании ремесленного училища на фабрике им. Горького. Но, увы, это так и осталось только благим намерением. В большом городе, как это ни странно, не нашлось помещения для мастерских и общежития. Многие старые мастера хотели отдать своих детей в ремесленное училище бумажников: они мечтали, чтобы их дети пошли по пути отцов и овладели профессиями, в которых остро нуждается бумажная промышленность. От родителей были приняты заявления, но на этом все и закончилось: Ленинградское управление трудовых резервов училища так и не открыло...

*

Чем дальше в лес, тем... меньше дров

Мы — в Вологодской области, в центре северного лесного царства. Отсюда крепежный лес везут в Донбасс и Подмосковье, а на бумажном комбинате имени Куйбышева той же Вологодской области машины работают не на полную мощность... из-за недостатка древесины.

Об этом говорят и директор комбината П. Масюк, и главный инженер И. Гальперин, и работники лесной биржи и ТЭЦ. И это правда. Еще 13 декабря управляющий трестом «Вологодобумлес» А. Шавров и заместитель начальника Вологодской конторы Главснаблеса А. Левакичез заверили бригаду писателей, что «с завтрашнего дня» на комбинат будет ежедневно отправляться 60 вагонов леса — то, что требуется по плану.

«Завтрашний день» наступал трижды, а обещания вологодских лесных владык не вышли за пределы благих намерений. Тринадцатого декабря комбинат получил шестнадцать вагонов леса, четырнадцатого — двадцать семь. Целлюлозный завод комбината вместо шестидесяти тонн в сутки дает тридцать пять—сорок (нехватает щепы), котлы ТЭЦ комбината работают в полсилы. И начинается пресловутая цепь «об'ективных» причин, приводящих к невыполнению плана.

Справедливо требуя от снабжающих организаций увеличения поставок древесины, дирекция комбината до сих пор не навела порядка на собственной лесной бирже, расположенной всего в километре от бункеров рубительной станции. Здесь замерзшими штабелями сложено двадцать восемь тысяч кубометров дров, предназначенных на случай задержки подвоза топлива. Как бы ни трудно было вырубать изо льда и перебрасывать к мотовозам дрова,—это необходимо делать заранее и систематически, а не в последнюю минуту, когда комбинат под угрозой остановки.

О необходимости механизировать трудоемкие процессы на лесной бирже разговоры велись давно. Полтора месяца назад на комбинате был об'явлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение. Но конкурс об'явили и забыли, его не популяризировали — и в результате на предприятии с многотысячным коллективом не было получено ни одного рационализаторского предложения от рабочих. Леса на комбинате не стало больше...

Так одно из предприятий бумажной промышленности, построенное в центре лесных массивов, испытывает острую нужду в древесном сырье и древесном топливе.

Поистине — чем дальше в лес, тем меньше дров.

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:
Л. ОШАНИН.
Я. САШИН.
А. НАТОЛЬСКИЙ.

Комбинат им. Куйбышева.
Вологодская область. (По телеграфу).

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

С чувством горечи прочли мы справедливые упреки, высказанные советскими писателями в их обращении к бумажникам, опубликованном «Литературной газетой».

Вы спрашиваете нас, дорогие товарищи, почему мы до сих пор не достигли довоенного уровня? Почему работаем на заниженных скоростях? Почему качество газетной бумаги все еще не соответствует требованиям полиграфии?

У нас на Балахнинском комбинате есть трудности, устранение которых зависит не только от нас. Систематические перебои в снабжении электроэнергией, нестандартная древесина, недостаток различных материалов, плохое качество «одежды» машин — все это выбивает нас из графика, вызывает излишние простои, влияет на качество бумаги. Но дело не только в этом. Мы должны откровенно признаться, что есть у нас множество неполадок, **в которых виноваты мы сами!**

Беда в том, что мы не всегда умеем доводить до конца разработанные планы организационно-технических мероприятий. Не на должной высоте у нас трудовая дисциплина. Нет четкой взаимной связи между цехами и сменами.

К нам пришло много новых рабочих. Следовало бы наладить техническую учебу, а ее, по существу, на комбинате нет. Отдельные цехи хорошо работают, есть отличные стахановцы. Замечательные показатели у теплоэлектростанции. Хорошо работает и коллектив целлюлозного завода. Передовой мастер т. Шмелев сумел вовлечь в техническую учебу всех рабочих своей смены. На лесной бирже по-стахановски работает бригада т. Маслова. В цехе ширпотреба молодежная бригада т. Баймашкиной за десять месяцев выполнила полуторагодовую программу, а весь цех в целом досрочно закончил годовой план.

В бумажном цехе, по предложению мастера Давыдова, внедряется метод Николая Российского. Сеточники Власов, Хайдуков, Панкратов, Кошелев, Котов, Березин и резчица Кузнецова — лучшие стахановцы, по которым многие равняются. Но опыта лучших мы, к сожалению, не распространяем как следует.

В октябре мы дали родине максимальное за последние шесть лет количество бумаги. Наш комбинат получил тогда переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и первую премию. Но ноябрьский план мы упустили из рук, выполнив производственную программу всего лишь на 94,8 проц.

Вина за невыполнение плана целиком лежит на нас самих. После достигнутых успехов отдельные работники проявили недопустимую беспечность. В начале ноября на третьей бумажной машине был установлен новый якорь к мотору. Но неожиданно разлетелся бандаж якоря, машина вышла из строя и простояла около трех суток, ибо запасного якоря у наших электриков не оказалось.

С полной ответственностью за свои слова мы утверждаем: у нас много резервов, которые до сих пор не мобилизованы. В первую очередь мы пред'являем счет к руководителям комбината и требуем от них более четкой организации планово-предупредительного ремонта оборудования, повышения качества работы механического цеха и древесномассного завода. Необходимо организовать на высоком уровне техническую учебу и вовлечь в нее всех рабочих.

Мы пред'являем претензии и к нашему министерству. Несмотря на бесконечные жалобы и сигналы о негодности продукции, изготовляемой ленинградской текстильной фабрикой «Нева», о загрязненности сеток, выпускаемых заводом нашего министерства в Краснокамске, о непригодности обмуровочных плит для варочных котлов, которые производит Щекинский завод Министерства строительных материалов, — все наши жалобы остаются без ответа. А ведь кому же, как не министерству, надлежит бороться за качество материалов, которые идут от поставщиков?!

Присылаемые московским заводом «Каучук» прижимные валы приходится через несколько дней обматывать проволокой, чтобы не отставала резина. А из-за этого страдает качество бумаги!

Хотелось бы знать, что предпринимает аппарат министерства, чтобы добиться снабжения нашего комбината лучшей продукцией?

Мы уверены, что вы, товарищи писатели, поддержите наши справедливые просьбы и поможете сломить равнодушие к нашим нуждам.

Со своей стороны мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы выполнить принятые обязательства и дать стране как можно больше высококачественной газетной бумаги.

Начальник смены бумажного цеха **Шишин**, начальник смены древесномассного завода **Мельгунов**, начальник смены лесной биржи **Антонов**, мастер ТЭЦ **Нутин**, мастер 2-й бумажной машины **Еремин**, бригадир-сеточник 1-й бумажной машины **Березин**, машинист турбин **Соколов**, слесарь ТЭЦ **Жихарев**, бригадир целлюлозного завода **Сазонов**, бригадир кислотного завода **Репин**, бригадир древесномассного завода **Лобачев**, сортировщица древесномассного завода **Хлыстова**, стахановка лесной биржи **Матвеичева**, парторг бумажного цеха **Бугров**, парторг целлюлозного завода **Киреев**.

ПРАВДИНСК, Горьковской области.

КОРОТКИЕ СИГНАЛЫ

НА РЕЛЬСАХ...

◆ Соликамский бумажный комбинат напоминает Пермской железной дороге о необходимости отгрузить в декабре все сверхнормативные остатки бумаги. К 22 декабря дорога подала на комбинат всего 69 вагонов вместо запланированных 346. Министр путей сообщения тов. Ковалев неоднократно предлагал оказывать максимальное внимание и содействие Соликамскому и Краснокамскому комбинатам. Неужели начальнику дороги тов. Самохвалову требуются еще дополнительные указания?

◆ Директор Волковысского цементного завода тов. Веселов ежедневно получает из Москвы несколько телеграмм, подписанных руководителями Министерства промышленности строительных материалов и Министерства путей сообщения. Телеграммы эти имеют одну цель: продвинуть цемент предприятиям бумажной промышленности Белоруссии.

Оказывается, однако, что эти телеграммы семафоров не открывают. По сообщению московской конторы Главбумснаба, отвечающей за снабжение белорусских фабрик цементом, на управление Брест-Литовской железной дороги могут воздействовать только... живые толкачи, а не мертвые телеграммы начальства... Неужели придется бумажникам на этот раз также прибегнуть к толкачам?

◆ Директор Ингурского бумажного комбината тов. Джанашиа просит у «Литературной газеты» помощи и содействия: комбинат, выполняющий важный заказ по изготовлению тетрадной, писчей и печатной бумаги, вынужден часто простаивать из-за задержки в получении целлюлозы. Целлюлоза идет из Прикамья. Вернее, впрочем, сказать: не идет... Не идет потому, что на пути продвижения грузов железнодорожники не оказывают целлюлозе необходимого внимания. Управление Закавказской дороги вот уж который месяц не может получить сведения, где же находятся те десятки вагонов, которые должны прибыть на Ингурский комбинат, давно покинули «станцию отправления» и никак не найдут «станцию назначения»...

Министр отвечает колхозникам

Выступления «Литературной газеты» по вопросам электрификации сельского хозяйства имеют весьма важное принципиальное значение.

Быстрейшее осуществление плана электрификации колхозов и внедрение электроэнергии в производственные процессы сельского хозяйства потребуют более широкого привлечения целого ряда отраслей союзной промышленности, а также предприятий местной промышленности и промысловой кооперации для решения этих задач.

Фондируемое электрооборудование — электромоторы, генераторы, силовые трансформаторы, высоковольтная аппаратура, кабельные изделия и другие электроматериалы, изготовляемые заводами Министерства электропромышленности и предназначаемые для нужд сельского хозяйства, выделяются непосредственно Министерству сельского хозяйства.

Фонды Министерства сельского хозяйства в 1947 году по большинству этих изделий заводами Министерства электропромышленности и конторами Главэлектросбыта реализованы; недостающая часть будет сдана из декабрьского выпуска.

Предприятия Министерства электропромышленности и конторы Главэлектросбыта в порядке мобилизации своих ресурсов передали для нужд сельского хозяйства значительное количество электрооборудования и электроматериалов. Однако потребность в электроматериалах еще не удовлетворяется.

Жалобы отдельных колхозников на трудности в приобретении отдельных электротоваров, в частности претензии парторга колхоза «Красное Клемятино» тов. Чугунова, выступившего 29 ноября в «Литературной газете» № 59, следует признать справедливыми.

Нехватка электротоваров, в том числе установочных изделий (втулок, воронок, роликов, розеток, предохранителей, выключателей и т. п.), об'ясняется тем, что предприятия местной промышленности и промкооперации, которые до войны выпускали от 50 до 80 процентов всех этих изделий, не развернули еще выпуска электротоваров до нужных размеров.

По постановлению Совета Министров СССР от 11 марта 1947 года, к производству установочных изделий привлечены, кроме Министерства электропромышленности, еще и министерства: электростанций, сельскохозяйственного машиностроения, нефтяной промышленности восточных районов, вооружения, химической промышленности, а также предприятия местной промышленности, промкооперации и Всекоопсоюза.

Однако целый ряд ведомств еще не выполняет установленных планов выпуска этих изделий. За десять месяцев 1947 года заводы Министерства электропромышленности выполнили годовой план по электронатронам на 140 процентов, по предохранителям на 87 процентов, по розеткам на 128 процентов, по пробкам на 89 процентов; в то же время заводы Министерства химической промышленности план по электронатронам выполнили только на 32 процента, по выключателям на 41 процент, по розеткам на 62 процента. Не лучше положение и на заводах Министерства электростанций. Предприятия местной промышленности РСФСР, промкооперация и Всекоопсоюз выполняют план по выпуску этих изделий от 40 до 70 процентов.

Министерство электропромышленности принимает меры к дальнейшему увеличению выпуска и своевременной поставке электрооборудования и электроизделий, необходимых для сельской электрификации, а также к усилению завоза этих изделий в конторы и магазины Главэлектросбыта для отпуска на местах по нарядам и для продажи населению. Следует полагать, что остальные поставщики оборудования для нужд сельской электрификации также примут необходимые меры.

Тов. Чугунов в своем письме правильно ставит вопрос о необходимости ликвидации дорогостоящих поездок представителей колхозов в поисках нужных электроматериалов. Для улучшения снабжения населения электротоварами в ближайшее время, в соответствии с решением правительства, торговая сеть Главэлектросбыта будет увеличена на 34 магазина.

Ко всему этому следует прибавить следующее: наряду с мерами, принимаемыми Министерством электропромышленности, конторы Сельэлектро, созданные во всех крупных городах и районных центрах страны и призванные осуществлять работу по сельской электрификации, должны сделать все от них зависящее для снабжения колхозников необходимыми материалами, получаемыми от промышленности.

Считаю необходимым заявить, что работники электропромышленности, сознавая свою ответственность за сельскую электрификацию, примут все меры к тому, чтобы выполнить поставленные перед ними задачи.

Министр электропромышленности СССР
И. КАБАНОВ.

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЗА 30 ЛЕТ

В Большом зале Московской государственной консерватории открыта выставка «Советская музыкальная культура к 30-летию Октября».

На выставке представлено три с половиной тысячи экспонатов. Среди них: доска почета с именами композиторов — лауреатов Сталинской премии, ноты музыкальных произведений, макеты театральных постановок на музыку советских композиторов и многие другие экспонаты.

Одно из центральных мест на выставке занимает прекрасно сделанная карта Советского Союза, где отмечены города и районы, в которых работают консерватории, филармонии, научно-исследовательские музыкальные учреждения, музыкальные училища, школы, музеи.

Богато представлена музыкальная жизнь всех шестнадцати республик нашей страны. Широко показан расцвет народного творчества. Выставка рассказывает о профсоюзных хорах, оркестрах и танцовальных коллективах. Их в нашей стране 28 тысяч. Больше миллиона человек входит в сельские хоры, оркестры, агитбригады и танцовальные ансамбли, выступающие на смотрах художественной самодеятельности, в деревенских клубах, домах культуры, избах-читальнях и полевых станах.

Специальный раздел посвящен музыкальной самодеятельности Советской Армии.

Несколько стендов отведено показу успехов советской музыки за рубежом.

В. ЕРМИЛОВ

Ф. М. Достоевский и наша критика

Современная буржуазная литература мобилизует все свои силы для того, чтобы исцарапать, загрязнить все человеческое, доказать ничтожность, слабость, презренность самой человеческой природы. Человек низок и грязен по самому существу своему — вот подлый тезис, развиваемый на все лады литературными агентами империалистической реакции. Они рисуют все человечество в виде жестоких, мерзких пачкунов, в каждом из которых прячется злой паук, преступник, убийца. Человечество нуждается в обуздании!—таков смысл той остервенелой клеветы на человека, которая составляет в наши дни главное содержание зарубежной реакционной литературы. Она стремится растлить души, подавить волю к борьбе, оправдать дикое насилие власть буржуазного мира над народами. Между прогрессивной и реакционной литературой идет упорная, непримиримая борьба за человека. Прогрессивный лагерь возглавляет наша советская литература.

Какую роль в этой сегодняшней борьбе играет творчество Достоевского? В каком лагере оказывается Достоевский в наши дни?

На этот вопрос наша критика обязана дать ясный, недвусмысленный ответ. Так же, как и при своей жизни, Достоевский и сейчас оказывается в авангарде реакции. Его произведения широко и всесторонне используются в остервенелом походе на человека, предпринятом литературными лакеями Уолл-стрит. И это вполне понятно, потому что всю мощь своего таланта Достоевский израсходовал на доказательство ничтожности, слабости, низменности человеческой натуры.

Горький писал о Достоевском:

«Он чувствует себя как бы глашатаем некких темных и враждебных человеку сил, он постоянно указывает на разрушительные стремления человека, который ищет главным образом полной личной свободы, требует, чтобы за ним было признано право всем пользоваться, всем наслаждаться, не подчиняясь ничему».

Достоевский провозглашал «абсолютные», как ему представлялось, «законы» природы человека и прежде всего — «закон» тяготения к жестокости и мерзости, более сильного, чем тяготение к добру и красоте. Один из самых любимых героев Достоевского — Митенька Карамазов — так характеризует себя:

«Любил разврат, любил и срам разврата, любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое?» И вместе с тем, тот же Митенька оказывается «благороднейшим человеком». Его возлюбленная, Грушенька, говорит ему:

«Я знаю, ты хоть и зверь, а ты благородный».

В каждом человеке сидит злое насекомое, «мерзкая, фаланга», тарантул, и если дать волю человеку, он разрушит и осквернит все на свете.

Достоевский не верил в человеческий разум, волю. Если дать свободу человеческому разуму, то он неизбежно оправдает карамазовское «все позволено!» — на котором впоследствии Ницше построил свою теорию «сверхчеловека». Потому-то и необходим высший авторитет — религия. Без «страха божьего», без религиозной узды жизнь человечества представлялась Достоевскому невозможной. И чтобы внушить эту мысль читателю, он делал все, что мог, для обоснования якобы «извечно» присущего людям, кто бы они ни были, стремления к мучительству, разрушению, жестокости. В процитированных словах Митеньки Карамазова следует обратить внимание на характерный для героев Достоевского оборот: Митенька не говорит, что он бывал жесток; нет, он говорит, что любил жестокость. Герои Достоевского именно любят зло, жестокость, мучительство, они не могут жить без этого. Их неудержимо тянет к преступлению, к насилию над слабыми, над детьми. Ничего не поделаешь, таков человек! — говорит — вернее, кричит! — Достоевский всем своим творчеством. Надо обуздать человека религией, страданием, покорностью, смирением. Только в страдании может очиститься человек. Вот главная мысль Достоевского, ей посвящены все наиболее значительные его произведения.

Салтыков-Щедрин видел в Достоевском именно и прежде всего фанатика обуздания людей. В предисловии к «Благонамеренным речам» великий сатирик полемизировал с Достоевским, говоря о типах «обуздателей»:

«Лгуны искренние суть те утописты обуздания, перед которыми содрогается даже современная, освоившаяся с лганьем действительность. Это чудовища, которые лгут не потому, чтобы имели умысел вводить в заблуждение, а потому, что не хотят знать ни свидетельства истории, ни свидетельства современности, которые ежели и видят факт, то признают в нем не факт, а каприз человеческого своеволия... Это угрюмые люди, никогда не покидающие марева, созданного их воображением, и с неумолимою последовательностью проводящие это марево в действительность».

Горький подкреплял эту оценку, подчеркивая, что Достоевского можно отлично представить в роли средневекового инквизитора, карающего людей за извечные «грехи».

Для Достоевского изображение страшного в жизни — в том числе самого страшного: издевательства над детьми, — было аргументом в споре, доказательством бессмысленности каких бы то ни было попыток разумного, революционного изменения действительности. Человек «по природе» своей мучитель, он «любит» истязать детей, мучить слабых, и поэтому он должен жить в смирении, всему подчиняться, во всем «сострадать», вечно чувствовать вину свою перед всем живым и мертвым. Вот что говорил об этом Достоевский в своем «Дневнике писателя»:

«...понятно... что зло таится в человечестве глубже, чем полагают лекаря — социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая остается та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой».

В «Беседах о ремесле» Горький рассказывал о первых годах своего писательского пути:

«Пассивную роль я считал недостойной литературы, мне известно было: если «рожа — крива, пеняют на зеркала», и я уже догадывался: «рожи кривы» не потому, что желают быть кривыми, а оттого, что в жизни действует некая всех и все уродующая сила, и «отражать» нужно ее, а не искривленных ею».

Если употребить терминологию, применяемую Горьким, то придется признать, что Достоевский стремился своими произведениями и публицистикой обосновать то самое, против чего возражал Горький: Достоевский изо всех сил хотел доказать, что «рожи кривы» именно потому, что желают быть кривыми. Он отрывал изображаемые им в таком изобилии факты мучительства, жестокости, человеческого уродства от той силы, которая «действовала в жизни и уродовала всех и все»; он объяснял эти факты не как следствие уродливой социальной действительности, а как свойство души человеческой. С этим связан и субъективно-психологический метод его творчества, порывавший с реалистическими традициями и расчищавший путь для последующего декаданса.

***

Патологические особенности произведений Достоевского, его отход от традиций реалистической, — или, как тогда говорили, «натуральной» — школы русской литературы, с поразительной проникновенностью угадывали наши революционно-демократические критики. Белинский почувствовал это уже в «Двойнике», а Добролюбов — в «Униженных и оскорбленных».

Сущность романа «Униженные и оскорбленные» Добролюбов видел не столько в «гуманности», не столько в несомненном сочувствии Достоевского к униженным и оскорбленным, сколько в изображении типа злодея (князь Валковский, из которого, как мы знаем, развились впоследствии более сложные злодейские типы Достоевского). Добролюбов писал, что «основу романа, зерно его, составляет именно воспроизведение характера этого князя. Но, всматриваясь в изображение этого характера, вы найдете с любовью обрисованное сплошное безобразие, собрание злодейских и циничеких черт... Оттого вы не можете ни почувствовать сожаления к этой личности, ни возненавидеть ее той высшей ненавистью, которая направляется уже не против личности собственно, но против типа, против известного разряда явлений... Как и что сделало князя таким, как он есть?.. если у него душа совсем вынута, то каким образом и при каких посредствах произошел этот любопытный процесс?.. Мы знаем, например, как Чичиков и Плюшкин дошли до своего настоящего характера, даже отчасти знаем, как обленился Илья Ильич Обломов... Но г. Достоевский этим требованием пренебрег совершенно» (подчеркнуто мною — **В. Е**).

Итак, Достоевский пренебрег основным требованием реализма: социальным об'яснением типов и явлений, которое характеризовало творчество и Гоголя, и Гончарова, и других писателей-реалистов. Поэтому Достоевский не дал обобщения, реалистического образа социального зла. Выдвигая извечную, не зависящую ни от каких реальных социальных условий, ни от каких «действующих в жизни сил», — «душу человеческую», как первоисточник всякого греха и зла, Достоевский не мог вызвать у читателя в отношении к злодею, князю Валковскому, «любящему жестокость», той высшей ненависти, которая направляется против целых классов, против общих реальных, социальных причин «зла». Исключительно важно также замечание Добролюбова о том, что Достоевский с любовью рисует безобразие, что он сам, в сущности, любит зло.

Добролюбов предсказал все главные пороки произведений Достоевского, развернувшиеся после «Униженных и оскорбленных». Образ князя Валковского впоследствии усложнился: Валковский стал Ставрогиным, Версиловым. И этих садистов, мерзавцев, растлителей, духовных провокаторов, двурушников Достоевский тоже обрисовывал с любовью, сознательно стремясь к тому, чтобы, — как писал он в своих записях, — эти типы были для читателя «и отвратительны, и обаятельны».

Плоская критика, кормящаяся манной кашицей неопределенного либерального «гуманизма», любит окрашивать всякое художественное изображение страдания, унижения, оскорбления, мучительства сплошной розоватой красочкой «сочувствия» и «любви» к людям. Но далеко не всякая картина боли и мучительства гуманистична: она может быть и антигуманистической, если в ней поэтизируется страдание, или звучит мотив соблазнительности мучительства, или, наконец, если тема ужаса, боли, унижения используется для запугивания людей, для проповеди смирения, для доказательства греховности и ничтожности человека. Горький глубоко ненавидел и разоблачал в своих произведениях «проповедников» двух типов: «утешителей», обманщиков вроде Луки и христиански-юродствующих «разоблачителей», спекулирующих на язвах, муках, на слезинке ребенка для внушения людям страха перед мрачными «тайнами» человеческой души.

Между тем, некоторые советские критики после Белинского, после Добролюбова, после Щедрина, после Горького все еще по-либеральному воспевают «гуманизм» Достоевского, его «веру в человека», доказывая, что Достоевский был таким же реалистом, как Пушкин, Гоголь, Толстой, что он «социально детерминировал» все переживания и поступки своих героев, что он был «социалистом», мечтал об осуществлении социалистических идеалов на земле и т. д. А именно к этому сводятся концепции вышедших недавно трех работ: «Ф. М. Достоевский», «Молодой Достоевский» В. Кирпотина и «В творческой лаборатории Достоевского» А. Долинина. Для того чтобы убедиться, как далеко ушли назад от просветительской, революционно-демократической критики эти советские исследователи, достаточно хотя бы сопоставить приведенные выше замечания Добролюбова о романе «Униженные и оскорбленные» со следующим рассуждением об этом же романе В. Кирпотина:

«Картины жестокости, грубости и зла, с которыми столкнулся Достоевский на каторге, заставили его пристальней всмотреться в природу человека, но они не поколебали его веры в нее. Озверение — не сущность, а искажение природы человека. Гуманизм Достоевского, возросший и окрепший в идеологической атмосфере сороковых годов, выдержал испытание каторги... «Униженные и оскорбленные» замечательны еще своими резкими антикапиталистическими настроениями. Зло олицетворено в этом романе в образе князя Валковского, а демон, владеющий Валковским, толкающий его на жестокость и преступления, — это деньги... Сознание нравственной ответственности за социальное неустройство мира веет со страниц его романа... Достоевский будил жалость, но в ответ пробуждался гнев. «Униженные и оскорбленные» порождены были музой печали, но воспринимались они так, как произведение «музы печали и мести»... (В Кирпотин. «Ф. М. Достоевский», «Советский писатель», 1947, стр. 24—25—26).

Добролюбов говорит, что в романе Достоевского нет социального обобщения, социальных причин «зла», а есть, наоборот, любование злом, смакование «безобразия», а Кирпотин утверждает, что зло, олицетворенное в князе Валковском, имеет у Достоевского социальное об'яснение. Добролюбов указывает, что роман не вызывает высшей ненависти к злу, как к порождению социального неустройства, — а Кирпотин заверяет нас в том, что зло, изображенное в романе, вызывает гнев против «социального неустройства». Добролюбов отмечает «совершенное пренебрежение» Достоевского основным законом реализма — социальным об'яснением явлений, — а Кирпотин заявляет, что «реалистом Достоевский оказался до конца жизни» («Ф. М. Достоевский», стр. 62).

***

В творчестве Достоевского сильные и слабые стороны настолько срослись, переплелись между собою, что необходим самый тщательный, скрупулезный научный анализ для того, чтобы попытаться отделить одно от другого.

Достоевский, несомненно, выразил страх патриархального, отсталого, реакционного мещанства перед победоносным шествием капитализма в России, с его новыми, волчьими законами жизни. Ломалась, трещала по всем швам патриархальная Россия. Человек, от имени которого говорил Достоевский, оказывался всецело предоставленным самому себе в новой, непонятной для него, страшной действительности. Маленький чиновник, захудалый дворянин, брошенный в капиталистический водоворот и испытывающий бедствия деклассации, разночинец, оторванный от жизни народа, от народных идеалов, — этот герой произведений Достоевского сгибался под двойной тяжестью: его угнетали и крепостнические порядки, полный произвол «начальствующих», и рост новых капиталистических отношений. Звериная сущность новых законов жизни обнажалась перед ним, а победа демократии, роль и значение рабочего класса, то, что непоследовательно, смутно, но все же вырисовывалось в перспективе будущего перед духовным взором наиболее прозорливых представителей лагеря революционной демократии, — все это только ужасало и героя Достоевского, и его самого. «Язва пролетариатства» представлялась Достоевскому столь же ужасной, как и сам капитализм. Более того: самые «антикапиталистические настроения» Достоевского усиливались именно его страхом перед грядущей пролетарской революцией. Наблюдая жизнь Запада, Достоевский хорошо понимал, что капитализм чреват пролетарской революцией, и его ненависть к буржуа, его страх перед ужасами и соблазнами капиталистического хищничества, «своеволия» одичавшей буржуазной личности, оказывались вместе с тем и ненавистью к революционному рабочему классу, к социализму, страхом перед пролетарской революцией. Так, отражая, — хотя и искаженно,—реальные исторические процессы и противоречия, реальные ужасы капитализма, — Достоевский вместе с тем клеветал на все передовое, честное, революционное.

Если Белинский догадывался об относительной прогрессивности капиталистического пути, то Достоевский, изменив лагерю Белинского в своем «заячьем» ужасе перед потрясениями, катаклизмами, классовой борьбой, в своей бешеной, яростной ненависти ко всему прогрессивному, — встал на путь реакционнейшей антикапиталистической утопии. Пытаясь повернуть историю вспять, он превратился в яростного защитника триединой формулы: «православие, самодержавие, народность». Идеализируя все косное, отсталое в жизни страны, Достоевский идеализировал и реакционные предрассудки крестьянства, веру в царя и в боженьку, противопоставляя это «гордыне» революционной интеллигенции. Так возникло его «почвенничество», его судорожная вера в то, что Россия «спасет мир» от пролетарской революции, «отказавшись» от капиталистического пути.

Достоевский сделал своей специальностью самую гнусную клевету на революционеров. Рисуя буржуазных отщепенцев вроде Раскольникова, он стремится—вопреки фактам, здравому смыслу, истории — представить их как революционеров, социалистов, атеистов. Вместе с тем, буржуазное хищничество, своеволие, жестокость не только ужасали Достоевского, но и неудержимо влекли к себе, манили, соблазняли. Отсюда его смакование преступления, душевного и всяческого разврата, самой отвратительной грязи, предательства, провокации. Идея «сверхчеловека», которому «все позволено», — любая мерзость, любое насилие,—эта идея гипнотизировала, влекла к себе Достоевского и его героев, с их неустойчивостью, отсутствием моральных норм, опустошенностью, чуждостью народу. Недаром Ницше, многому научившийся у автора «Преступления и наказания», называл его своим «великим учителем». «Две бездны», — ужас перед злом и неудержимое тяготение к нему, — раздвоенность психики, создававшая основу для апологии предательства, являлась одною из главных черт личности и самого Достоевского и его героев.

***

Критики, идеализирующие Достоевского, хотят уверить нас в том, что он всю свою жизнь сочувствовал социализму и даже грядущей пролетарской революции. Мы знаем, что Достоевский готовил России особую «миссию»: спасение от пролетарской революции и от ужасов капитализма на путях «единения царя с народом». Эту мысль высказывал Достоевский и в своей пушкинской речи, обращаясь к революционной интеллигенции с призывом: «Смирись, гордый человек!» В. Кирпотин же утверждает, что «пророчество» Достоевского «о всемирно-учительской миссии русского народа» носило революционный характер. «В свете прожитого нами исторического опыта, — пишет В. Кирпотин, — мы не можем не признать, что «пророчество» Достоевского по рациональному своему содержанию пересказывает пророчество Белинского и является смутным предчувствием перенесения центра тяжести борьбы за социализм на нашу родину, смутным предвидением, что Россия поведет за собою другие народы по пути к социальному и национальному братства» («Ф. М. Достоевский», стр. 61).

Отождествить гордую мечту Белинского о революционной, демократической, социалистической России, стоящей во главе передового, прогрессивного человечества, с реакционно-утопической надеждой Достоевского на то, что Россия «спасет мир» не только от капитализма, но и от революции и от социализма, — это означает такое принижение Белинского и такое «возвышение», идеализацию Достоевского, до которых не доходила даже и самая плоская либеральная критика.

На протяжении всей своей работы «Молодой Достоевский» В. Кирпотин доказывает чуть не полное тождество взглядов Белинского и Достоевского вплоть до конца сороковых годов, не придавая серьезного значения тому горькому разочарованию, какое вызвал у Белинского «Двойник». С оговорками, поправками, смягчениями Кирпотин говорит о том, что в «Двойнике» выразилось колебание Достоевского в его отношении к человеку — в то время как «Двойник» представлял собою выражение неверия Достоевского в человека. Уже одно это—разочарование Белинского в связи с «Двойником» — опровергает версию В. Кирпотина о том, что Белинский и Достоевский являлись единомышленниками на протяжении сороковых годов. В. Кирпотин глухой стеной отгородил молодого Достоевского от Достоевского второго и третьего периодов. А между тем, последующее ренегатство Достоевского содержалось в зародыше уже и в «Двойнике», и в «Хозяйке», и в «Неточке Незвановой». На эту ошибку В. Кирпотина верно указал Р. Уралов в своей рецензии, напечатанной в «Литературной газете» (№ 58, 1947). Но в целом эта рецензия носит явно апологетический характер по отношению к книге В. Кирпотина, и напечатание ее является грубой ошибкой «Литературной газеты». Точно так же грубой ошибкой является захваливание книги В. Кирпотина «Молодой Достоевский» в ряде выступлений тов. А. Фадеева.

Книга А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского» представляет собою сплошную апологетику. Маскируясь оговорками о враждебности Достоевского революции, Долинин на деле несколько более изощренно, чем в прежних своих работах, развивает легенду о Достоевском—революционере и социалисте. В новой своей книге Долинин прямо ссылается на свои прежние работы, например, на вводную статью к сборнику «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования» (изд. Академии наук СССР, Лигр., 1935 г.). А ведь в этой статье Долинин приложил ленинскую оценку Л. Толстого к Достоевскому и об'явил Достоевского, как идеолога мелкой буржуазии, более революционным, чем Толстой. В новой книге А. Долинин изображает Достоевского сторонником... Парижской Коммуны! Без всяких к тому оснований А. Долинин заявляет, что Достоевский был «глубоко опечален тем, что опыт построения «хрустального царства на земле», стоивший таких колоссальных жертв, не удался» («В творческой лаборатории», стр. 10). И тут же, в трагикомическом противоречии с этим своим утверждением, А. Долинин приводит (на следующей странице своей книги) запись Достоевского—проект его будущего произведения: «Фантастическая поэма-роман. Будущее общество, коммуна, восстание в Париже, победа, 200 миллионов голов, страшные язвы, разврат, истребление искусства, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть». Мы видим, какой черный замысел созревал у Достоевского; вот, дескать, что было бы, если бы победила Парижская Коммуна. По Долинину же выходит, что Достоевский был «глубоко опечален» тем, что эти перспективы не осуществились. Может ли быть более грубая фальшь? Впрочем, оказывается, может!

Пересказывая и цитируя записи Достоевского к роману «Подросток», А. Долинин так рисует мысли и настроения Достоевского: «Революция близкая и тревожная, как судьба, которая неминуемо ожидает человечество. Революция обязательно кончится победой четвертого сословия: «уже прелюдию видели», — разумеется, конечно, Парижская Коммуна». «Вам, — говорит Он (Версилов. — **В. Е.**). Подростку,—вам, т. е. молодежи, надо готовиться, ибо вы будете участниками; время близко при дверях и, именно когда, кажется, так крепки миллионные армии, разрывные бомбы».

«Миллионные армии, разрывные бомбы,—комментирует А. Долинин, — ничто не поможет удержаться старому строю. Это уже язык не отвлеченно теоретический, а язык реальной действительности в ее острой классовой борьбе. Еще один шаг — и тема «социальная» появится в романе так, как она мыслилась и ставилась в условиях русской общественной жизни того времени» (там же, стр. 50—51).

Но ведь Достоевский запугивает читателя перспективой революции, ехидствует над непрочностью капиталистического общества, противопоставляя ему свой идеал избежавшей и капитализма, и революции,— «тихой» патриархальной России с батюшкой-царем, православной церковью, Победоносцевым и всеми прочими излюбленными своими аксессуарами! А советский исследователь Долинин, курам на смех, приписывает Достоевскому «язык классовой борьбы» и намекает, что, дескать, «еще один шаг» — и Достоевский приблизится к самой что ни на есть передовой русской общественной мысли того времени.

Для «возвышения» Достоевского Долинину ничего не стоит принизить одного из передовых русских революционно-демократических писателей и мыслителей — Герцена (как, впрочем,—увы! — и тов. В. Кирпотин, сам того не приметив, принизил революционную мечту Белинского до уровня реакционно-утопической мечты Достоевского). Крах Парижской Коммуны, — уверяет нас А. Долинин, — был воспринят Достоевским «в такой же мере трагически, в какой восприняты были Герценом события 48-го года». Герцен, который с горечью переживал крах иллюзии «надклассового» буржуазного демократизма, Герцен, чьи трагические переживания были, — как об'яснил Ленин, — формой перехода к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата, — и Достоевский, со злорадством «переживающий» крах Парижской Коммуны,— факты совершенно не сопоставляемые, несоизмеримые, оказываются, в изображении Долинина, тождественными!

Всем нашим исследователям и критикам, работавшим над творчеством Достоевского, необходимо многое пересмотреть в своих оценках, отказаться от либерального сахарина, чтобы продвинуть вперед марксистско-ленинское изучение сложного, противоречивого, крупного писателя, поставившего немало острых социальных проблем, в том числе проблему «углов», трущоб, язв капиталистического города, — но поставившего эти проблемы неверно, на основе ложной, реакционной идеологии и суб'ективно-психологического художественного метода, порывавшего с рядом важнейших реалистических традиций русской литературы.

Критика и самокритика прежних работ о Достоевском необходима в свете реальной социальной практики сегодняшнего дня, когда творчество Достоевского особенно активно служит на потребу мировой реакции *.

Суровая, беспощадная критика всего неправильного, традиционно-«либерального» в оценке Достоевского — насущная задача нашего литературоведения.

* В частности, автор этих строк в своей работе «Горький и Достоевский» (журнал «Красная Новь», 1939 г., №№ 4 и 5—6), развивая ту же самую концепцию творчества Ф. М. Достоевского, которая выражена и в настоящей статье, допустил непоследовательности, отступления от этой концепции и в названной работе и в некоторых других статьях.

СОЮЗ МЕЧА И ДОЛЛАРА

Высшие офицеры армии и флота США назначаются сейчас на руководящие посты не только в американском правительстве, но и на Уолл-стрит. То обстоятельство, что и к внешней, и к внутренней политике США получают все больший доступ представители реакционных военных кругов, следует поставить в прямую связь со стремлением поджигателей новой войны обеспечить осуществление своих агрессивных и экспансионистских планов. Именно об этом и говорит помещаемая нами статья Арта Шилдса, напечатанная в журнале «Уоркер мэгазин» за ноябрь 1947 года.

Если вы хотите найти адмирала флота Хэлси, то вам нужно посетить Уолл-стрит. Ибо генерал сейчас служит у Морганов и Меллонов.

То же можно сказать о многих других высокопоставленных профессиональных военных, которые недавно вломились в ворота Золотой улицы. Я составил список почти пятидесяти генералов и адмиралов, которые заняли после войны административные посты в крупных фирмах. Вы можете найти их имена в специальных журналах и в финансовых разделах столичных газет. Этот список далеко не полон.

Уолл-стрит переполнена высокопоставленными офицерами армии и флота. Высокопоставленные профессиональные военные занимают посты президентов, вице-президентов и директоров некоторых крупнейших корпораций. Морганы, Меллоны и Рокфеллеры отдают предпочтение генералам и адмиралам при заполнении должностей в своих трестах, ворочающих многими миллионами.

Уолл-стрит более радушно, чем когда-либо, встречает закаленных на военной службе командиров. Ожидается, что вояки с помощью закона Тафта—Хартли будут сокрушать профсоюзы, не позволяя им нанести ответного удара.

Лозунг, брошенный председателем правления компании «Сирс Робак», бывшим председателем фашистской организации «Америка — прежде всего» генерал-майором Робертом Вудом был встречен с радостью. Лозунг этот гласит, что «чем шире разрастается организация, тем больше она должна походить на военную».

Генерал Вуд, который в течение многих лет не допускал, чтобы рабочие и служащие компании «Сирс Робак» вступали в профсоюзы, недавно завербовал на службу в эту компанию еще двух генералов.

Это — генерал-майор Уолтер Франк, который будет возглавлять филиал этой компании в Южной Америке, и бригадный генерал Уолтер Рид, который будет руководить филиалом компании в Мексике.

Сам генерал Вуд в течение многих лет прививал латино-американцам «навыки действовать по-армейски». В течение десяти лет своей военной карьеры он управлял рабочими, строившими Панамский канал. Как сообщает восхищенный автор статьи, помещенной в журнале «Форчун», все эти панамские рабочие слыхали от генерала Вуда только два коротких слова: «Вы уволены».

Не вызывает удивления, что вице-адмирал Эмори Лэнд, возглавлявший Управление судоходства военного времени, был одним из первых нанятых Уолл-стритом высших представителей вооруженных сил. Лэнд сблизился с Уолл-стритом пять лет назад, когда он заявил на собрании банкиров в Нью-Йорке, что каждый профсоюзный организатор должен быть «расстрелян на рассвете». Банкиры воспылали к нему любовью также и за его щедрые контракты по судоходству, в результате которых большая часть правительственного судоходного фонда в размере 21 млрд. долларов перешла в руки спекулянтов. Сейчас, когда Эмори Лэнд занимает пост президента Ассоциации воздушного транспорта, банкиры в свою очередь хорошо заботятся о нем.

Будет странно, если вице-адмирал Томас Кинкайд, этот ярый враг прогрессивных моряков, не найдет себе в скором времени такого же тепленького местечка. 16 октября на собрании Пропеллер-клуба в отеле Вальдорф-Астория этот командующий восточной морской пограничной зоной обратился к судовладельцам с призывом помочь председателю национального союза моряков Джо Каррену в его борьбе против моряков-коммунистов. По сообщению газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 17 октября, адмирал заявил, что «не только судовладельческие компании, но и все американцы-патриоты должны оказать всяческую помощь» борьбе Каррена с коммунистами.

Тесное сотрудничество высшего морского командования и трестов проявилось также, когда семья Меллонов предоставила адмиралу Морилл самый высокий пост в своей крупнейшей сталелитейной компании. Недавно питтсбургская фирма «Джонс энд Лафлин стил корпорейшн» назначила Морилла президентом фирмы и председателем правления. Меллоны взяли на пост президента своей гигантской компании «Копперс компани» (кокс и химикалии) генерала Сомервелла. Когда во время войны Сомервелл возглавлял службу снабжения армии, он получил неофициальный титул «первого кассира в мире». Однако Меллоны больше знали его как одного из первых покупателей мира, тресты продали его организации материалы на много миллиардов долларов.

Адмирал Хэлси обслуживает как Морганов, так и Меллонов, являясь директором новой «Либериан компани», которая выпустила акции на сумму в 1 млн. долларов. Эта компания была создана для эксплоатации железной руды, леса, какао и золота на территории западноафриканского побережья, являющегося фактически американской колонией. Начальником Хэлси является Эдуард Стеттиниус, отец которого также служил у Морганов. Бывший заместитель государственного секретаря Джозеф Грю также входит в состав правления компании.

В настоящее время наибольший наплыв высокопоставленных офицеров отмечается в авиационной промышленности, причем здесь имеет место конкуренция между армией и флотом.

Военные в радиокорпорации Америки давно уже направили «Нейшнл Бродкастинг компани» по пути к фашизму. Это произошло еще в то время, когда корпорацию возглавлял генерал-лейтенант Харфорд. В настоящее время несколько других генералов и один адмирал поступили на службу в эту же корпорацию.

Факты без комментариев

СЛОВА-ИЗОБЛИЧИТЕЛИ

Избирательная борьба в США, сопровождаемая погоней за голосами, откровенным шантажом, подкупом и запугиванием, находит своеобразное и красноречивое отражение и в повседневном языке широких масс американского народа. Множество метких слов и ходких выражений, встречающихся в живой речи американцев и бытующих в их языковом обиходе, с неопровержимостью изобличает всю неприглядность избирательной механики в Соединенных Штатах и ярко раскрывает весь ее формальный и лживый характер.

Приводим без комментариев ряд этих слов-изобличителей, которые до сих пор еще не удосужилась ни вычеркнуть, ни запретить пресловутая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности.

Strong arm methods — «методы сильной руки»;

to boss — безраздельно хозяйничать;

gag rule — заткнуть рот;

political ring — политическая шайка, клика;

wire-puller — «человек, дергающий за веревочку» (то-есть фактический хозяин);

invisible government — невидимое, закулисное правительство;

repeater — «повторитель» — человек, голосующий за взятку более одного раза;

stuffing the ballot-box — заполнить урну поддельными бюллетенями;

heeler — прихлебатель, человек на содержании у «хозяина»;

office-seeker — «искатель тепленького местечка», готовый на все;

pie-counter — «прилавок с пирогами» и political plums — политические «сливы», «изюминки» — оба выражения характеризуют стремление добиться победы на выборах во имя получения теплых местечек и выгодных должностей;

henchman — «оруженосец»—политический прихвостень кандидата в депутаты;

dark horse — «темная лошадь» — секретная кандидатура, подсовываемая «хозяевами» избирателям неожиданно для них и в последний момент;

white trash — «белая шваль», «белая дрянь» — малоземельные фермеры и бедняки в южных штатах;

to rake off — «заграбастать», то-есть получить большую взятку на выборах;

poor whites — «бедные белые» — лица, недавно получившие гражданство США и право голоса и по неопытности за бесценок продавшие свои голоса «боссам».

НАГЛЯДНЫЕ УРОКИ

В одном из крупнейших американских колледжей — Мичиганском — создана специальная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности студентов, возглавляемая фашиствующим сенатором Каллахеном. В ответ на организованное сопротивление передовой части студенчества Каллахен пригрозил, что он сорвет намечавшееся ассигнование 2,5 миллионов долларов на строительство нового учебного корпуса.

Студенческий городок при университете Уэйн в США наводнен детективами местной полиции. Там об'явлены незаконными все общественные организации, имеющие связь с «внешним миром».

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

Французский еженедельник «Аксьон» сообщает о запрещении властями публичного конкурса ораторского искусства, об'явленного в одном из высших учебных заведений Вашингтона. Главным препятствием к проведению конкурса явилась тема, которую его участники избрали для своих выступлений. Тема эта гласила: «Пути демократии».

УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ

Как сообщает французская газета «Энтрансижан», в США недавно был устроен конкурс на тему: «Изложите наиболее кратко разницу между республиканской и демократической партиями США».

Премию присудили пятилетнему ребенку, приславшему самый лаконичный ответ. На почтовой открытке было написано: «Никакой».

ЛОНДОНСКАЯ «ХОДЫНКА»

По официальному сообщению Скотлэнд Ярда (английская полиция), во время недавней церемонии бракосочетания английской принцессы Елизаветы с родственником вице-короля Индии лорда Маунтбэттена было ранено и потерпело увечья свыше 2500 человек.

Большая часть несчастных случаев произошла в результате невероятной давки в огромной толпе, окружившей Вестминстерское аббатство и беспорядочно запрудившей улицы, по которым следовала торжественная процессия.

ДОЛЛАРОВЫМ СТРОЕМ

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Как на Уолл-стрит представляют себе «экономическую организацию» Европы...

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Обсуждение романа В. Пановой „Кружилиха"

НЕЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ

А. ИВИЧ

Какой опасный замысел: найти своеобразную структуру романа и потом повторить ее в другом произведении, претворяя в образы уже совсем иной материал, иных героев.

Казалось, форма «Спутников» создана именно для той необычной обстановки, в которой протекает действие романа. Материал лег удобно и естественно. Разных, не связанных прежде друг с другом людей, столкнула военная судьба в санитарном поезде. Писательница в отдельных главах знакомит читателя с каждым из своих героев. Лишь постепенно переплетаются их судьбы, как переплетаются в жизни судьбы внезапно встретившихся и надолго оставшихся вместе людей.

В «Кружилихе», новом романе, В. Панова повторила структуру «Спутников» и как бы сказала этим, что форма первого романа может быть универсальной.

«Кружилиха» посвящена жизни большого завода в последние месяцы войны и первые месяцы мира. Герои — члены заводского коллектива.

Директор завода Листопад, главный конструктор, парторг Рябухин, председатель завкома Уздечкин, стахановцы, семьи работников завода, подростки, взявшиеся за производственный труд в военные годы — перед читателем множество характеров и судеб.

Мастерство Пановой выросло, окрепло. Ее характеристики выразительны и нарядкость лаконичны. На двухстах страницах романа проходит около тридцати людей — и каждый из них очерчен своеобразно, отлично запоминается, почти каждый интересен читателю.

Панова—превосходная наблюдательница, внимательный психолог. Она умеет показать противоречия в человеческой душе, она ничего не скроет от читателя, даст в рисунке и свет и тени. Она с большим искусством находит положения, пишет диалоги и внутренние монологи, точно, экономно передающие все, что писательнице нужно сказать о своем герое.

Давая портреты, Панова не вылущивает людей из жизни, как из скорлупы. Она показывает человека и в поступке и в мысли. Никогда не возникает у читателя сомнения в правдивости, искренности изображения.

Искренность — вот одна из самых привлекательных черт Пановой. Она все отдает на суд читателю, словно говорит каждой строкой — вот таких людей я наблюдала и в такой обстановке, вот такими они мне видятся, замечательные люди, добрые люди; примите их в свое сердце, как я приняла.

И в критическом разговоре о талантливом романе хочется быть таким же искренним, как сам автор, и кое о чем с ней серьезно поспорить.

Почти все герои Пановой нам интересны. Это успех художника. Немногих мы примем в свое сердце, не всех примем разумом без серьезных оговорок. В этом полная удача художника-мыслителя.

У нас спор не с героями романа, а с позицией автора.

Листопад, директор завода, — один из главных героев романа, сильный, влюбленный в свое дело человек, созидатель в лучшем смысле слова. Кажется, что он может стать нашим героем. Но вот то здесь, то там проявляются черточки, заставляющие насторожиться. Умирает в родах Клава, молодая жена Листопада. Он горюет, но нигде мы не чувствуем, чтобы горе задевало глубинные слои его души. Знакомимся с дневниками Клавы, узнаем, что она не была счастлива с мужем, у которого никогда не оставалось времени быть внимательным к любимой женщине.

В конце романа другая любовь Листопада — к конструктору Нонне. И, любя Листопада, соглашаясь стать его женой, Нонна думает: «Этот ничем не поступится ради любви. Не потеснится... Поступаться, и тесниться, и смиряться, и ждать будет только она».

Значит, снова не будет счастья.

Много у Листопада недостатков. Автор видит и помнит их. Не ладит Листопад с председателем завкома Уздечкиным; в их сложном споре с обоюдной правотой и обоюдной неправотой позиция Листопада часто неприятна, высокомерна. Парторг стремится их примирить, но ему ближе Листопад. «Ты вот Листопада обвиняешь,—говорит он Уздечкину. — ...Во многом он ошибается, верно. Но по человечеству — я ему сто грехов прощу хотя бы за его отношение к молодежи».

Значит, хорошее в Листопаде важнее, плохое прощается за хорошее? Пусть так. Но ведь нельзя в художественном произведении это только декларировать одной-двумя репликами. Если автор того же мнения, что парторг — пусть свет и тени он расположит так, чтобы читатель видел, где важное, а где второстепенное, над чем ему задуматься, а что легко простить герою.

Недостаток мастерства писателя? Нет, нисколько. Это позиция автора. Позиция об'ективного, очень об'ективного наблюдателя, который словно боится, акцентировав одно, а другое упомянув мельком, оказать давление на читателя, склонить его к своим вкусам, своим симпатиям. Но читатель в результате чувствует себя не свободнее в среде героев романа, а скованнее.

Можно предположить, что Листопад автору нравится, но нам-то трудно отнестись к нему эмоционально, трудно определить свое отношение к человеку. Забота о равновесии, об'ективности мешает В. Пановой показать взаимодействие всех свойств натуры, взглядов и привычек героя, показать главное.

Какой хороший человек парторг Рябухин! После тяжелого ранения и временной слепоты он всех людей увидел прекрасными — и лица и души. Это ощущение красоты человека так и осталось у него. Мы готовы полюбить Рябухина. Но вот он на работе.

Яростный спор Листопада с Уздечкиным об огородах. Уздечкин требует всю землю под индивидуальные огороды, Листопад хочет обработать ее силами подсобного хозяйства и дать рабочим картошку. Спор кончается ссорой. Уздечкин выбегает из кабинета, хлопнув дверью. А парторг? Он как будто становится на сторону Уздечкина, но робко, неуверенно. И Листопад с ним быстро расправляется: «Брось, Рябухин, это твое интеллигентское измышление». И Рябухин умолкает. Только после ухода Уздечкина он опять неуверенно говорит: «Ты его раздразнил своим тоном... Так нельзя. Он человек нервный...»

Позицию непротивления занял Рябухин, позицию невмешательства, такую же, как Панова в отношении своих героев. Разве это позиция для парторга?

Есть один абзац, в котором, как на ладони, и Рябухин и... позиция автора. Речь идет о бывшем кулаке.

«Рябухин смотрит на него со сложным чувством. Рябухин воспитан в духе отвращения к эксплоататорам всех видов и категорий, и прошлое Мартьянова претит ему так же, как Павлу, откровенно называвшему Мартьянова мироедом. Но, с другой стороны, ведь он давно уже не мироед, он отличный токарь, о нем отзываются с высокой похвалой, как о работнике. А богатырская наружность его Рябухину положительно нравится, и манера держаться— тоже».

Так что ж — Мартьянов хороший или плохой? Парторг, очевидно, не знает, автор не высказывается, и у читателя остается... сложное чувство. А зачем нам в данном случае сложность? Если все плохое у Мартьянова в прошлом — это можно показать. Но, отличный токарь, он и отчаянный пьяница; в разговорах с другом своим Мартьянов в общем мало симпатичен. Может ли он вернуться к повадкам мироеда, если дать ему волю, или он стал советским человеком? Неясно, автор не дает материала для решения этого вопроса. Хорошее и плохое — в равновесии. Хочешь, верь Мартьянову, не хочешь — не верь.

Панова не отходит от жизненной правды. В самом деле, ведь бывает у каждого иной раз недоумение — можно ли верить такому-то. И ошибки случаются. Но почему же автор ограничивает свою роль только фиксацией облика бывшего кулака, ныне хорошего токаря, с пьяным надрывом вспоминающего своего друга, стахановца Веденеева—«отробил» ли он свои грехи.

Сложнее всего с Уздечкиным. Он неприятен с первой страницы до последней. И в то же время часто оказывается прав. Например. Уздечкин первым обращает внимание, что начальник цеха Груневой заботится не о производстве, а о своей славе. Листопад говорит, что ему это безразлично — цех работает хорошо. Но после войны все отрицательные черты Груневого, подмеченные Уздечкиным, очень дают о себе знать.

А на Уздечкина сваливаются все мыслимые и немыслимые несчастья. Он потерял на фронте жену, сам болен туберкулезом, у него украли профсоюзные деньги и три четверти заработка приходится отдавать на покрытие долга. Дома не ладится; с братом жены, подростком Толей, Уздечкин ведет себя так неправильно, что в его семейную жизнь вынужден вмешаться парторг.

Когда мы читаем, как Уздечкин стрижет ногти дочке — это должно бы нас трогать. Но так неприятен Уздечкин, что деталь эта не трогательна, а тоже неприятна, кажется излишне натуралистичной. И в то же время Уздечкин кристально честен, бескорыстен, предан коллективу. И в то же время Уздечкин туповат, ослеплен, недозрячий.

Ну как справиться нам со всем этим ворохом противоречий, как определить, чего же стоит Уздечкин на самом деле? Это невозможно. Скрупулезная, внимательная демонстрация его достоинств и недостатков разбивает цельность образа. Что нам делать с Уздечкиным? Полюбить его невозможно, ненавидеть было бы несправедливо. Все же неприязнь к нему перевешивает, трудно представить себе читателя, которому Уздечкин понравился бы. Листопад с ним примирится. Читатель—не очень. Но не любя Уздечкина, чувствуешь себя неловко — словно напрасно обидел человека. В сущности, несправедливо относиться плохо к такому порядочному человеку, хорошему члену партии.

Этой неловкости и хотела Панова? Возможно. Есть в романе глава «Ночью», где очень, по-моему, плохой человек, шофер Мирзоев, любитель работы «налево», проявляет благие порывы. Веденеев говорит Мартьянову, что он отробил свои грехи. Листопад, смягченный радостью любви к Нонне, мирится с Уздечкиным.

Очень лирично написана эта глава. Она кончается словами «Спокойной ночи, люди добрые!»

И вся огромная любовь Пановой к советским людям, из которых каждый чем-то хорош, чем-то полезен или может быть полезен родине, словно сосредоточилась в этой короткой колыбельной.

Подкупает эта любовь, эта искренность. Но почему же так безжалостна Панова к людям добрым, что все их недостатки ставит под луч прожектора, заставляя нас несколько раз менять свое отношение к героям — и в конце концов оставаться в недоумении? Почему она так добра к людям недобрым, что ставит под луч прожектора мельчайшие их достоинства?

Это не гуманизм, а отказ от права на оценку человека. Мало пожелать людям спокойной ночи, надо знать, какими они подымутся после сна, видеть их завтрашний день: что же перевесит — плохое или хорошее? В отношении многих героев «Кружилихи» это вовсе не ясно.

Есть в романе и образы не усложненные—например, Марийка, дочь Веденеева, немного взбалмошная, но по-настоящему хорошая женщина, стахановка, увлеченная своей работой, ощущающая полноту и радость жизни. А страницы, посвященные приезду матери Листопада, едва ли не лучшие в романе. Вот где проявился замечательный дар Пановой, ее умение на нескольких страницах развернуть историю целой жизни, трогательную и поучительную. Это повелла о неграмотной крестьянке, ставшей государственным человеком, председателем колхоза, очень молодой в свои шестьдесят два года, со спокойной, чистой совестью и светлым взглядом, обращенным в будущее.

И ясен нам человек, прозрачен, хотя и не так уж прост. Но здесь отчетливы симпатии автора.

Панова не даст людям счастья.

Начинаешь вспоминать, — а кто же счастлив в семейной жизни на Кружилихе? У Листопада жена умерла, не сулит счастья и новая его любовь. Вряд ли Нонна с ее сложным и строптивым характером легко согласится всегда ждать и всегда уступать. Мариамна, вторая жена Веденеева, отказалась иметь своих детей, чтобы не обидеть пасынков. У Маргариты Валерьяновны, жены главного конструктора, талантливейшего инженера, воспитателя инженеров и в то же время эгоцентриста с несносным характером, — тоже нет детей. Они мешали бы работе мужа. Маргарита Валерьяновна рвется к общественной деятельности, она сжилась с коллективом Кружилихи. Муж, не спрашивая о ее желаниях, отрывает от любимой работы — он решает уехать на покой. И слабая попытка бунта против тирании мужа, не замечающего, что он тиранит жену, быстро вянет, даже не высказанная вслух. Это отношение главного конструктора к своей жене перекликается с отношением Листопада к Клаве. Значит, речь идет о явлении типичном?

Даже проекцией в будущее даны несчастливые семьи. Разве будет счастлив прелестный юноша, комсорг Саша Коневский с препротивной и пошлой Лидой Ереминой, так рассуждающей, выйти ли ей замуж за Сашу: «Прочно, прилично, муж будет носить на руках... Очень приятно, когда муж, вдобавок ко всем другим качествам, еще и хорошенький».

Почему столько неудавшихся и разрушенных семей, почему Панова так скупо и дорого дает людям добрым счастье?

Ответ — в размышлениях Нонны: «Но, видимо, какая-то плата все-таки положена за счастье... Ради любви приходится человеку поступиться кое-чем своим; это почти физический закон — там, где одному просторно, двум, естественно, приходится потесниться».

Но автор идет дальше Нонны. Нужно не только потесниться, но и много страдать прежде, чем личное счастье дастся в руки.

Гармонию личных отношений Панова находит всегда с трудом — это мы видели и в «Спутниках».

Беззаветное увлечение своей деятельностью такого созидателя, как Листопад, приводит к тому, что в любви он эгоистичен и небрежен. Панова оставляет это нам как неразрешенный конфликт.

А счастлив Алексей, муж матери Листопада, бросивший все ради любви, — хозяйство, семью. Почему же Панова находит полную гармонию чувств только там, где принесена большая жертва, где чье-то счастье разрушено, чья-то жизнь разбита?

Писательница принимает частное за типичное. Разве так уж редки счастливые семьи, разве люди, всей душой отдавшиеся работе, обречены на одиночество, разве конфликт между увлечением работой и личной жизнью неразрешим? Если он неразрешим, значит—тут трагедия.

Таких, как Листопад, созидателей, всем существом преданных своему делу, у нас уже много. Об этом верно говорит секретарь горкома. Значит, чем больше таких людей—тем больше трагедий в личной жизни? Это, конечно, не так. Весь наш жизненный опыт, наши наблюдения показывают — это не так. Трагедия чувств отнюдь не типична для нашего общества.

Тут одно связано с другим. Панова не нашла разрешения конфликта чувств потому, что своих героев она рассматривает, как сумму положительных и отрицательных черт. Панова не показывает **взаимодействия** всех свойств характера и взаимодействия человека с обществом, средой, близкими.

В самом деле — люди у Пановой очень отделены один от другого. Каждый показан отдельно, в своей тональности, в своем строе мыслей и чувств. Столкновение тональностей не рождает лад. Симфония чувств, как симфония музыкальная — результат взаимопроникновения, а не соседства музыкальных тем.

Вот где сказалась опасность выбранной автором структуры романа. Она слишком жестка для раскрытия того, как люди добрые во взаимодействии, во взаимопроникновении образуют советский коллектив, побеждающий в войне и в мирном труде коллектив, члены которого идут к счастью.

Люди добрые отделены один от другого перегородками глав романа. Они соприкасаются, радуют или раздражают друг друга, но не изменяют внутреннего мира своих ближних, остаются соседями, спутниками.

Противоречивый, но и в своих противоречиях интересный, талантливый роман, вызывающий на размышления, на спор!

Сколько раз, читая его, говоришь себе— да, это так и было, это так и есть, это правда. Атмосфера заводской жизни военных лет, приход подростков на производство, быт, совещания, множество деталей— все это подмечено точно и тонко, передано выразительно и об'емно.

Принимаешь в свое сердце тех, о ком Панова сказала ясно, — мать Листопада, Марийку, секретаршу Анну Ивановну, Толю, старика Веденеева, Сашу Коневского. И повторяешь за автором: люди добрые.

Там, где автор стал на позицию невмешательства в облик своих героев, где колеблются чашки весов, где сказано: вот в них хорошее, а вот плохое, сами решайте, какие они, — там колеблется и наше отношение к героям романа. Арифметического сложения качеств недостаточно для определения подлинной ценности людей, недостаточно, чтобы принять их в свое сердце и повторить за Пановой — люди добрые.

Перелистываешь страницы романа. Смотришь на этих людей, как на эскизы, сделанные мастером, эскизы, которые очень интересно рассматривать. Но не всегда видишь, для какой картины эскизы предназначены. Художник с излишней фотографичностью распределил свет и тени и этим снизил философскую ценность романа.

Сказана правда, но не вся правда. Писатель переложил ответственность за оценку своих героев на читателя и там, где должен был взять ее на себя.

В. ГОФФЕНШЕФЕР

В пьесе Б. Полевого «Неугасимое пламя» старый мастер Матвей Суслов обращается к своей дочери Наде, собирающейся выйти замуж за директора завода Андрея Кошарова: «—Ну, рассказывай, как у вас там с ним...

Надя. Ну что это! Чего тут рассказывать. Он целый день занят. Я, с тех пор как в конструкторское перешла, — тоже. Только в столовке встречаемся, да по телефону говорим.

Суслов. Эх вы, лягушки хладнокровные... по телефону... Насчет ребят-то вы тоже по телефону будете?..

Надя. Тятя!

Суслов. Ну шут с вами, хоть по радио. Неинтересная ваша любовь.

Кошаров (выступил из-за угла). Почему неинтересная, Матвей Моисеевич? Наоборот. Здравствуйте! Как здоровье?»

Не ждите дальнейшего раз'яснения этого «наоборот». Его нет ни в последующих словах Кошарова, ни в развитии действия пьесы. И правда как бы остается за старым мастером: «Неинтересная ваша любовь»!..

В романе В. Пановой «Кружилиха» рассказывается о том, как директор завода Листопад, генерал и инженер, человек очень занятой, женился на студентке-практикантке. Рассказано об этом буквально в двух фразах: «И вдруг его потянуло к этой молодости, к этой беззаботности, свежести, доверчивости...—Кончай, Клаша, эту музыку,—сказал Листопад об ее учебе, когда они поженились».

Прожить им вместе довелось недолго. Клава умерла в ту почь, когда должна была рожать. После нее остался дневник, который она вела стенографической записью. Секретарша Листопада этот дневник расшифровала, но о том, что там было написано, она своему директору рассказывать не стала. Она не хотела огорчать Листопада. Ибо стенографические закорючки запечатлели крик отчаяния: выйди замуж, Клава оказалась одинокой и несчастной. Листопад, занятый делами завода, не мог уделить ей ни одного дня. «Я не могу жить без счастья»,—записывает Клава. И после ее смерти Листопаду тоже некогда было разобраться в своих чувствах к ней.

Это было продолжением той самой «неинтересной любви», о которой говорит старик Суслов в пьесе Полевого. Но мы не намерены останавливаться именно на теме любви. Она интересует нас лишь, как частица большой проблемы соотношения личного и общественного.

Многое из того, о чем говорится в романе Пановой, в нашей литературе не ново. Директоров и главных инженеров, лишенных из-за своей занятости личной жизни (в элементарном и узком значении), мы уже встречали давно, например, в произведениях Василия Гроссмана («Глюкауф», сборник его рассказов «Счастье»). Мы встретили у него и предшественника председателя завкома Уздечкина из «Кружилихи» Пановой, того самого издерганного Уздечкина, у которого после смерти жены остались две девочки и который вынужден сам стирать белье. У Гроссмана—это секретарь шахтпарткома из романа «Глюкауф» («... Целый день котел, а вечером придешь домой... Он оглянулся и заговорил совсем тихо, сгибаясь:—я своим пацанам белье стираю, ей богу... Посмотреть на мою жизнь семейную—повеситься можно...»)

Роман и рассказы Гроссмана появились в начале второй пятилетки. Попытка писателя разрешить проблему счастья по-новому имела тогда положительное значение, даже если учесть то обстоятельство, что разрешалась Гроссманом эта проблема наивно. Вместо того, чтобы показать, как в процессе творческого созидания новой жизни личное и общественное сливаются и личное счастье становится элементом общего счастья, Гроссман говорил о счастье лишь как о чем-то, постигаемом умозрительно, как о какой-то далекой цели, ради которой и приносятся жертвы. Это звучало не как решение вопроса, а как самоутешение.

Между тем, уже в те годы в самой жизни и литературе проблема личного и общего и проблема счастья, творимого и реально осуществляемого, решалась иначе. Самым разительным примером в этом отношении были жизнь, деятельность, книги и высказывания Николая Островского.

И когда сейчас, на исходе 1947 года, читаешь произведение, в котором тема личного счастья снова решается попрежнему, воспринимаешь это, как народию на давно пройденный этап в нашей литературе. В конце концов, занятость—не отличительная черта советского человека. У О. Генри биржевой маклер забывает, что он вчера женился, и делает в обеденный перерыв предложение своей собственной жене, чем ввергает ее в недоумение и слезы. Но это только юмористический рассказ. Когда же в романе В. Пановой читаешь о том, как занятая Нонна Сергеевна спешит на долгожданное свидание к занятому Листопаду, то ловишь себя на мысли—«поменяют». И, действительно, поменяли. Но ведь это не водевиль, а роман!

В конце романа автор заставляет Листопада выступить в не свойственной ему роли патетического декламатора. Он сообщает нам о своем счастье («спасибо судьбе, что подослала умную подругу»), о строительстве, о слитности своей судьбы с судьбою государства, о будущих поколениях. Но личное и общественное у него существуют раздельно: абзац о Нонне и абзац о строительстве города, абзац о Нонночке и опять же, скажем, абзац о величии наших общих целей. На деле проблемы личного и общественного существуют у В. Пановой в их старом противопоставлении. На деле герои романа, в сознании и чувствах которых эти проблемы должны решиться, не являются новыми советскими людьми, способными эту задачу выполнить.

Писатель — в особенности советский писатель — не может писать о людях, не любя их. Одним из привлекательных качеств «Спутников» Пановой является мягкая любовь к людям, которая сквозит в чуть-чуть ироническом, дружеском повествовании о них. В «Кружилихе» этого нет. Исключением являются лишь старик Веденеев и некоторые второстепенные персонажи. Что же касается главного героя, Листопада, то диву даешься, сколько усилий автор приложил к тому, чтобы не проявить к нему собственной любви и не вызвать к нему доброго отношения со стороны читателя. Секретарь горкома говорит Листопаду: «Взахлёб живете. Александр Игнатьевич, оглянуться на себя нет времени». Целеустремленность Листопада иногда смахивает на целеустремленность робота. А если он оглянется на мир, то оказывается эгоистом. Клава была для него частью быта («А что же быт?.. — часть жизни. Чай вот пьешь? Бреешься? Детишки есть?— вот и быт»). Нонна Сергеевна—«умная подруга», которую ему подбросила судьба. С Уздечкиным Листопад обращается, как заправский самодур, и т. д.

И новая возлюбленная Листопада также не вызывает вашего сочувствия. Изваяние из подкрашенного льда, с математическим умом и самовлюбленным сердцем, существо, пребывающее вне жизни коллектива,— такова та, которая должна обогатить нас своими чувствами и своими мыслями о труде-творчестве (увы, довольно убогими: металлические детали и узлы в конструкции это—слова и строфы в поэзии). Но вы не чувствуете к Нонне Сергеевне ни любви, ни доверия, и вас абсолютно не волнует вся история Листопада и Нонны Сергеевны. Этой истории Панова придает большое значение, так как здесь-то и должна была, по ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух созидателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что созидатели изображены непривлекательными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любопытства: а как это у таких («лягушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Вот перед вами молодая девушка-стахановка Лида Еремина. Огромное чувство ритма, которым она обладает, дает ей возможность рационализировать процесс своей работы настолько, что ее индивидуальная выработка становится решающей для выполнения всей программы цеха. Вы готовы простить Пановой то, что в характеристику Лиды вносятся скандалезно-истерические качества. Девушка с норовом. Бывает. Но потом оказывается, что девушка не только с норовом, но и с трезвым, слишком трезвым житейским расчетом. Не чувствуя горячей любви к комсоргу Саше Коневскому, она решает выйти за него замуж, потому что «Саша—это настоящая судьба: прочно, прилично, муж будет носить на руках. Он ее любит. И очень легко сделать так, чтобы любил всю жизнь». И «она красиво положила голову ему на грудь».

После всего этого мещанского расчета и нанранного позерства перестаешь верить в творческое начало лидиного труда: может быть, это расчет? Может быть, позерство?

Мы знаем немало случаев, когда люди, не избавившиеся от пережитков прошлого, совершали трудовые подвиги. Этого явления не могли обойти писатели в романах о первой пятилетке. Но хорош бы был художник, который играл бы на этом «раздвоении личности», не увидел бы ведущего начала, определяющего новую судьбу и перевоспитание человека!

Мне кажется, что герои Пановой получились такими из-за порочности творческого метода автора «Кружилихи». В романе есть незамысловатый разговор об искусстве. Художник Андрей говорит о том, что основной метод искусства — это правда и что искусство не нуждается в елочных украшениях, так как мир и без того прекрасен. Да, подлинное искусство социалистического реализма не нуждается в мишуре и смело говорит о правде жизни, ее красоте и ее трудностях. Но Панова спутала правду реалистическую с натуралистическим правдоподобием. Листопад правдоподобен, но правды жизни в этом образе нет.—нет правды о коммунисте-созидателе. У Пановой зоркий глаз художника, но ее взгляд устремлен не вперед, а вниз, она подмечает и старательно подбирает лоскутья старых чувств и шелуху отживших идей. Руководствуясь честностью и любовью к правде, она догоняет идущих вперед людей и насильно сует им обратно то, с чем они предпочли расстаться навсегда. В результате такого «правдоискательства» ростки нового оказываются погребенными под кучей старого хлама. Пример с Лидой Ереминой является в этом отношении чрезвычайно показательным. На характеристике Лиды писательница в сжатой форме продемонстрировала творческий метод всего романа.

Так плохо понятая правда оказалась неправдой. Так из-за этой неправды оказались не решенными (и не могли быть решены) важнейшие темы личного и общественного, тема счастья.

Одну из глав своего романа, в котором фигурируют несимпатичные люди, автор завершает восклицанием: «Спокойной ночи, люди добрые!» Я не хотел бы завершить свою статью словами о добрых намерениях и талантливости автора «Кружилихи». Мне хочется сказать другое: людей, наших советских людей, нужно любить. И не только в восклицаниях!

ОТ РЕДАКЦИИ:

Статьями тт. А. Ивича и В. Гоффеншефера «Литературная газета» открывает обсуждение романа В. Пановой «Кружилиха».

Ближе к современности!

Открытое письмо редакции «Волжского альманаха»

Более полутора лет ожидали мы очередного номера «Волжского альманаха». Зная, что горьковская организация советских писателей—одна из старейших и сильных в Союзе писателей, мы об'ясняли такую длительную задержку повышенной требовательностью редколлегии, желанием отобрать произведения, которые отвечали бы требованиям, пред'являемым партией и народом к литературе и искусству.

Однако полученный, наконец, 5-й номер альманаха не оправдал наших надежд. В нем нет произведений, отображающих кипучую, многообразную жизнь нашего народа.

Особенно не удовлетворили нас проза и публицистика. Статья «За литературу, достойную великого народа!» производит удручающее впечатление своей противоречивостью и поверхностностью. Обещание редколлегии, данное в этой статье, «со всей большевистской принципиальностью, самокритичностью просмотреть, подвергнуть анализу все то, что было сделано писателями за последнее время...», — осталось не выполненным.

Вы заявляете, что «За годы войны горьковские писатели не создали ни одного сколько-либо значительного произведения о советских людях в дни войны на фронтах и в тылу, об их боевых и трудовых подвигах во имя счастья народа, во имя победы». И тут же, столь же голословно, в статье утверждается: «Нельзя сказать, что наши товарищи совершенно обошли эту тему. Нет, она находила отражение в творчестве и Федорова, и Романова, и в творчестве наших поэтов Шестерикова, Пильника, Зарубина, Кириллова и др. Были написаны и рассказы, и очерки, и стихи, среди которых мы найдем несколько неплохих стихотворений Шестерикова, Пильника, Зарубина, несколько рассказов Федорова, Романова и другие произведения».

Как же после этого понимать: были у горьковских писателей «сколько-либо значительные произведения о советских людях» или их не было?

Так же противоречиво звучат оценки, даваемые творчеству отдельных писателей.

В одном месте, например, без доказательств говорится, что Г. И. Федоров «вырос за последние годы», что «успешно работают... В. Шестериков, Б. Пильник, И. Денисов, А. Зарубин, С. Кириллов, М. Тимонин и др.», — а в другом месте также не утруждая себя деловым разбором, редакция обвиняет Федорова в серьезных срывах и ошибках; оказывается, что Кириллов «еще легковесен, не глубок», в стихах Мих. Тимонина раскрывается «ограниченный, идейно бедный мир», послевоенные стихотворения А. Зарубина «являются таковыми скорее по дате написания, чем по мотивам их настроений». Б. Пильник страдает «чувством безответственности» и т. д. Вряд ли такая оценка творчества писателей — с одной стороны, восхваление, а с другой, поверхностная критика — принесет им пользу.

В рассказах Федорова «По вражьему следу» автор, описывая свою поездку по только что освобожденной земле, пытается показать возвращение людей в родные места. Но что это за люди, которых увидел Федоров? Могут ли они возродить жизнь на пепелище? «Маленький горбатый старик», «тронутая» старуха, которые вернулись, «чтобы на своей печке помереть», «какая-то длинная фигура», назвавшая себя Яковом Воропиным, плутоватый Бабкин, завалившийся свою квартиру узлами, мешками, ящиками с продуктами, угодливо угощающий, вместе со своей «дородной, томной» женой, председателя райисполкома и самого автора, — вот те люди, которых увидел писатель в Высокопольском районе. Главному герою рассказа «Надпись на стене», возвращающемуся из эвакуации в г. Сталино, Илье Ильичу тридцать один год, а он чувствует себя так, «точно прожил уже сто лет» и ему «завтра умирать надо». Даже в лучшем рассказе «Басовы», рисующем жизнь богатого, растущего колхоза, у автора прорывается унылое, «смертная тоска». Председатель колхоза Иван Кузьмич Басов — жизнелюбивый, целеустремленный человек, он хороший хозяин, счастливый отец, к нему приезжает в гости сын Федор — Герой Советского Союза. Но и его награждает автор пессимистическими мыслями и ощущениями: «Он знал, что это может быть их последняя встреча, что завтра утром сын уедет и, возможно, уже не увидит их больше».

Неприятное впечатление оставляет и очерк Б. Пильника «Грузчики», почему-то названный рассказом. Вот что пишет Б. Пильник:

«...человек на большой пристани — незаметный, потому что — за машинами... Вот Чистополь. Пристань — нельзя сказать, чтобы маленькая, но без никакой механизации. И, между прочим, справляется не хуже других и такие дает проценты насчет выполнения, что начальству остается только радоваться».

Но читатель не радуется. Его не радует ни слог этого произведения, ни его суть. Он знает, как широко механизирован и облегчен труд человека в нашем советском портовом хозяйстве, и напрасно Б. Пильник советует читателю:

«И уж лучше не на большой пристани смотри, а поменьше, где у человека — только руки, да привычка к труду, да сметка». Автора интересует не современный советский человек, умеющий управлять сложными механизмами, а работающий по старинке грузчик-волгарь.

Стихотворения, помещенные в альманахе, далеки от современности. Они все еще рисуют пейзаж, где

> На поле малахитовом (?!), озимом,
> Тягач и мертвый фриц на тягаче.
> И ворон с фиолетовым отливом
> На окровавленном его плече.

Когда же редколлегия «Волжского альманаха» и горьковские писатели познакомят читателя со своими новыми романами, повестями, поэмами, отражающими современную жизнь нашего народа, воспитывающими у советских людей бодрость и уверенность, сознание прекрасного настоящего и веру в еще более прекрасное будущее? Ведь читатель ждет этого с тем большим основанием, что тот же Г. Федоров, например, своей пьесой «Пути-дороги» показал умение по-настоящему чувствовать и изображать явления нашей современности!

И. ЗАМОШКИН, Анна КАРАВАЕВА, Ал. КАРЦЕВ, П. ФАТЕЕВ.

В. Панова. «Кружилиха», «Знамя», 1947 год, №№ 11, 12.

Так нельзя преподавать родную литературу!

★ ★ ★

Редакция «Литературной газеты» получает много писем, в которых говорится о серьезных недостатках преподавания литературы в школе. Советской литературе программа отводит очень небольшое место. Школьные учебники написаны сухим, тяжеловесным языком. Плохо налажено снабжение школ книгами, журналами.

Преподавание литературы имеет жизненно важное значение для коммунистического воспитания нашей молодежи. Редакция «Литературной газеты» просит наших читателей принять участие в обсуждении вопросов, которые подняты в публикуемых ниже статьях.

★ ★ ★

Нет, не билось горячее сердце!

— Ученик Петров, расскажите нам кратко содержание пьесы Грибоедова «Горе от ума».

Ученик Петров встает и отвечает, как по писанному:

— Возвратившись из продолжительного путешествия, Чацкий встречает холодный прием со стороны Софьи, дочери Фамусова, в доме которого он получил воспитание. Чацкий влюблен в Софью и стремится выяснить ее отношение к себе. Софья, однако, скрывает свои подлинные чувства и создает в душе Чацкого настроение неопределенности, неуверенности и в то же время смутной надежды. Смена этих переживаний, усиливая в душе Чацкого состояние внутренней тревоги и неуравновешенности, отражается и на обострении той идейной борьбы, которую он ведет с представителями реакционного дворянского общества. И лишь в конце комедии происходит решительная развязка: Чацкий случайно выясняет истинное положение, став невольным свидетелем свидания Софьи с Молчалиным. Это совпадает с моментом наивысшего напряжения и его идейной борьбы. Обе линии его поведения — личная и общественная — сливаются, усиливая друг друга, и заканчиваются резким разрывом главного героя с его классовой средой.

Мы думаем, что подобным образом мог бы отвечать очень посредственный школьник. Но то, что восьмикласснику в общем можно простить, никак не может быть простительно составителям учебника. А мы привели здесь не ученические ответы, а дословную выдержку из учебника «Русская литература» для 8-го класса средней школы, составленного Н. Поспеловым, П. Шабliовским, А. Зерчаниновым и изданного в 1947 году.

Правда, авторы называют это изложение «композицией комедии», но какая же здесь композиция? Да и есть ли надобность заниматься в восьмых классах столь сложными вещами, как драматургическая композиция? Это детский лепет, не только ученически-беспомощный, но и лишенный искры любви и уважения к предмету. К этому лепету прибавились еще рассуждения о зависимости комедии от традиций классицизма, хотя «нужно признать «Горе от ума» крупным шагом в развитии реализма в русской литературе».

Преувеличивая влияние классицизма на великое и самобытное творчество Грибоедова, авторы ухитряются скрыть от наших ребят истинное величие бессмертного произведения.

Мы выбрали пример, отнюдь не из ряда вон выходящий. Это — норма учебника, его стиль, его направление. Откроем любую страницу наугад.

Страница 277.

«Если Татьяна противопоставлена Онегину своей близостью к русской природе и русскому народу, своим национально-русским складом характера («русская душа»), то Ленский оттеняет Онегина (подчеркнуто нами) романтически-восторженным отношением ко всем вопросам и задачам жизни».

Страница 195.

«Накинув на плечи Гарольда плащ путешественника, автор, однако, все время дает чувствовать, что под этим плащом бьется горячее сердце».

Относительно Гарольда это верно, хотя между «плащом путешественника» и «горячим сердцем» положительно нет никакой логической связи, но о составителях учебника никак нельзя сказать, что у них билось горячее сердце, когда они писали свою работу.

Цитировать можно бесконечно. Какая уж там занимательность изложения, забота о точном и простом слове, если «Ленский оттеняет Онегина»!.. Этот оборот не оттеняет, а совершенно затемняет мысль авторов. Анализ идейного содержания, требующий глубочайшей работы мысли, составители учебника заменили формальными, вульгарными шаблонами. Пьесы, в которых есть «отпечаток резонерства» или «деление на положительных и отрицательных», надо понимать, как «своеобразное развитие европейского классицизма».

Уже во введении к учебнику легко увидеть научную беспомощность авторов.

История литературы, как они утверждают, лишь собирает произведения художественной литературы и изучает их в хронологической последовательности.

По сути дела, авторы учебника и следуют установленному ими методу: собирать и изучать в хронологическом порядке родную литературу, без особой заботы о каком-нибудь воспитательном значении предмета для нашей молодежи. Они очень прилежно регистрируют даты. В главе, посвященной А. С. Пушкину, можно насчитать до сотни дат. Только феноменальной памяти по силам запечатлеть этот поток календарных сведений. Но зачем? Нельзя, конечно, оспаривать необходимость знания биографических данных, характеризующих известные жизненные и творческие этапы писателя. Но никуда не годится, когда дело сводится к справочной точности календаря.

Беда, если наши школьники по этому учебнику вместе с азами науки о русской литературе усваивают убеждение в том, что русская литература возникла, развивалась и расцвела под влиянием просвещенного Запада.

А из учебника это именно так и следует.

Н. Поспелов и его соавторы не могут толково об'яснить, что означают литературные влияния, как они преображаются в новые и самостоятельные творения художника. Зато они с какой-то непонятной пристрастностью разыскивают эти влияния. «Таким образом, имеются основания говорить о русском классицизме, как о своеобразной разновидности европейского классицизма».

Многое еще можно порассказать об этом учебнике. Например, глава о любимом нами Крылове совершенно анекдотична. Великий русский баснописец просто пропал. Его нет. Есть моралист вне времени и живой связи с народной жизнью, ленивый, неподвижный, вялый по характеру. Зато авторы любовно посчитали, сколько басен заимствовал гениальный писатель, даже не об'яснив, в чем его народность и самобытность.

Да и что за дело составителям учебника до этого, если они способны написать, например: «...Кантемир был убежден, что в современных ему русских условиях только неограниченная власть монарха может сломить косность темного русского народа...» Или: «Море невежества и почти первобытной грубости окружает немногочисленную группу сторонников просвещения». Когда? — спросите вы, — до принятия христианства или в самой Скифии? Нет, оказывается, «море первобытного невежества» было у нас в эпоху Петра I.

Мы имеем многие основания утверждать, что этот учебник является для Министерства просвещения серьезным сигналом для того, чтобы проверить и пересмотреть преподавание литературы в нашей средней школе.

Николай ПОГОДИН.

Почему из программы исключена „Зоя“?

«Об'ясните, пожалуйста, почему в нынешнем году из программ десятого класса исключена «Зоя»? Ученицам 201-й школы это очень обидно». Такую записку я получил после лекции о советской литературе, которую я читал на открытии школьного лектория Тимирязевского района, в помещении 201-й женской школы. Той самой школы, где училась Зоя Космодемьянская.

Тогда я не смог ответить на этот вопрос. Но сейчас, внимательно ознакомившись с программой по литературе для 8—10-х классов Министерства просвещения РСФСР, выпущенной в нынешнем году, я, пожалуй, мог бы ответить на записку, поданную ученицами 201-й школы.

Я мог бы сказать им, что составители программ, очевидно, не любят советскую литературу и относятся к ней только, как к — увы! — необходимому довеску к школьному обучению.

Обратимся к самой программе.

Изучение литературы в 10-м классе занимает 132 часа. Из них на раздел «Литература советской эпохи» отведено... шесть(!) часов. Правда, отдельно выделены темы «Максим Горький», «В. В. Маяковский», «М. А. Шолохов» и «А. А. Фадеев». Это хорошо. Но на общую характеристику советской литературы и на все остальные явления богатой и многообразной литературы великого советского тридцатилетия, в том числе на характеристику политики партии и идейной борьбы в литературе, отпущено все же только шесть часов. Сюда включается изучение и творчества А. Н. Толстого, и романа Н. Островского «Как закалялась сталь», и произведений А. Серафимовича, Д. Фурманова, и богатейшей литературы эпохи Великой Отечественной войны. Мы не говорим уже о том, что общая характеристика советской литературы дается после анализа творчества отдельных писателей, а это совершенно неправильно.

Тема «Литературное движение 40-х годов XIX века» занимает все-таки восемь часов. Мы отнюдь не посягаем на время, отпущенное писателям 40-х годов, но позвольте все же заметить, что количество часов, предназначенное советской литературе, вопиюще недостаточно и свидетельствует о полном равнодушии к ней составителей программы.

Вообще же списки произведений советских писателей, рекомендуемых для внеклассного чтения, поражают своей устремленностью в прошлое. Преобладающее место в них — две трети! — занимает исторический роман.

В уже упомянутом нами разделе «Литература советской эпохи» читаем: «Тема индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства». Не говоря уже о том, что в программе нет ни звука о книгах на эту тему, даже в списках для внеклассного чтения не указано ни одного произведения об индустриализации страны, ни одного романа эпохи первых сталинских пятилеток.

Вот на какие невеселые размышления наводит вопрос учениц 201-й школы о том, почему из программы 10 класса исключена поэма о Зое.

Г. БРОВМАН

В Гослитиздате открылась выставка работ художника В. Лебедева о жизни и творчестве великого русского критика В. Г. Белинского.

На снимке (слева направо): профессор Н. Бродский, автор выставки художник В. Лебедев и художники В. Фаворский и Н. Ильин.

Фото Е. ТИХАНОВА.

Памяти В. Г. Белинского

Министерство просвещения РСФСР приняло решение об ознаменовании 100-летия со дня смерти великого русского критика В. Г. Белинского.

В школах, педагогических училищах, педагогических и учительских институтах будут организованы литературные вечера, будут прочитаны лекции и доклады, посвященные жизни и творчеству В. Г. Белинского. В Московском педагогическом институте имени Ленина, в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена и Пензенском педагогическом институте для студентов двух последних курсов учреждаются стипендии имени В. Г. Белинского по 400 рублей каждая.

***

Государственный литературный музей организует большую литературную выставку в музее имени Белинского в Чембаре.

Выставка развернется в здании бывшего уездного училища, в котором Белинский обучался до перехода в пензенскую гимназию. Это здание входит в состав музея вместе с домом, где провел свое детство и отрочество великий критик и где в настоящее время сосредоточена основная экспозиция музея. Здесь, помимо многочисленных снимков с писем и рукописей Белинского, а также копий с его портретов, собраны подлинные архивные документы, относящиеся к периоду пребывания Белинского в училище и гимназии.

Предстоящая выставка осветит основные этапы творческой деятельности «неистового Виссариона».

Наряду с портретами многих русских писателей посетители увидят и первые издания произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, номера «Современника» и «Отечественных записок» со статьями Белинского. Особые разделы будут отведены темам «Белинский и театр» и «Белинский и исторический роман».

***

КИЕВ. **(От наш. корр.).** Научные, культурно-просветительные и литературные организации Украины готовятся отметить 100-летие со дня смерти великого русского критика, революционного демократа В. Г. Белинского.

Библиотека Академии наук УССР организует большую выставку, посвященную творчеству Белинского. Здесь будут экспонированы его произведения, высказывания о нем классиков марксизма-ленинизма.

Издается указатель произведений критика, а также литературы о нем.

Институт украинской литературы имени Шевченко проведет специальную научную сессию.

„КНИГА—ПОЧТОЙ“

«Книга—почтой». Сотни тысяч граждан нашего Союза знали значение этих двух слов. Ученому, занимающемуся научным исследованием в каком-то отдаленном уголке страны, понадобился справочник, учителю сельской школы потребовалась книга, которой нет в местной библиотеке, советскому воину-пограничнику захотелось приобрести художественную книгу, школьнику нужны пособия для подготовки к экзаменам в вуз, избач решил пополнить колхозную библиотеку. Каждый гражданин, где бы он ни находился, мог написать на почтовой открытке всего лишь два слова «Книга — почтой», и открытка приходила по адресу: г. Москва, Когиз, «Книга—почтой».

Люди этой конторы специально разыскивали в разных магазинах необходимые книги. Литература наложенным платежом пересылалась заказчику.

Когиз недавно возобновил работу конторы «Книга—почтой». Снова посыпались заказы. Но в ответ на заказы посылают-ся часто не книги, как это было до войны, а открытки с отказом выполнить заказ.

Майор И. Сидоренко нам пишет: «Я учусь заочно. В библиотеке Дома офицера книг по логике, русской и западной литературе нет. Книжного магазина в районе расположения нашей воинской части также нет. Единственный путь приобрести литературу через отдел Когиза — «Книга—почтой». Однако на мой заказ вместо высылки книг ответили: «Заказ выполнить не можем».

Председатель Остапьевского сельсовета тов. А. Гречко сообщает: «Наше село Остапье до войны было самым большим селом в Велико-Багачанском районе, Полтавской области. Немцы сожгли 600 домов колхозников, пять школьных зданий, все общественные постройки, радиоузел, более 5 тысяч книг сельской библиотеки. Сейчас мы заново отстроили все колхозные дома, школы, общественные здания, а книг приобрести для восстановления библиотеки не можем. В местных магазинах литературы на русском языке нет, а из Москвы нам не высылают».

Председатель Ельшанского сельсовета Саратовской области т. Малов жалуется, что Когиз не выслал по его просьбе отрывные календари.

На наш запрос, почему «Книга—почтой» не выполняет заказов, заведующая этой конторой т. Измайлова сообщила:

«Книга—почтой» — большое и нужное дело. Однако издательства и книготоргующие организации упорно недооценивают этого. После войны нам до сих пор не выделено обещанное помещение, не утвержден штат, отсутствует своя экспедиция, а главное — не выделены фонды книг для посылки их почтой. Пока этой работой занимаются всего лишь пять московских книжных магазинов, высылающих специальную литературу по сельскому хозяйству и технические книги. Запросы на художественную книгу не выполняются из-за отсутствия фондов.

Только один магазин № 2 (Моховая, 17) в этом году получил с периферии 14 тысяч заказов, а удовлетворить смог половину. Сейчас имеется более десяти тысяч заказов на книгу Щербины «Пчеловодство» и ряд других дефицитных книг. «Книга—почтой» до войны выполняла ежемесячно заказы на сотни тысяч книг, удовлетворяя различные запросы трудящихся многих районов и колхозов нашей страны, в первую очередь наиболее отдаленных.

Когиз и другие книготоргующие организации срочно обязаны выделить книжные фонды и обеспечить нормальную работу московской и других областных контор «Книга—почтой».

Кормление конфетами

Как-то раз в кругу друзей Анатоль Франс рассказал следующую историю:

— Роден, великий Роден, только что закончил из глины статую Виктора Гюго. Поэт стоял во весь рост на вершине утеса. Под ним, на краю утеса, кружились музы и океаниды.

Однажды утром скульптор повел в свою мастерскую караван журналистов, которые хотели созерцать новое творение.

К несчастью, накануне он оставил открытой форточку. И так как ночью разразилась сильная гроза, ливень превратил скульптуру в бесформенную массу. Утес обрушился на плящущих богинь. А Виктор Гюго погрузился в океан грязи.

Роден толкнул дверь, пропустил вперед своих гостей и вдруг заметил несчастье. Он едва не вырвал себе бороду от отчаянья. Но уже вздымался хор похвал:

— Неслыханно! Чудесно! Это озеро грязи, из которой выступает Виктор Гюго, какой символ! Мэтр, это гениальное произведение!

— Вы находите? — робко спросил Роден.

— Еще бы! Мэтр, это превосходнейшее творение искусства!..

***

Порою и в наши дни повторяется эта забавная история.

Мы знаем, что сладкий и ядовитый дым пустых и неискренних славословий кружит слабые головы некоторых наших мэтров и полумэтров. И люди, хронически окуриваемые фимиамом, начинают упорно верить в свою непогрешимость и непорочность.

Родену пришла на помощь гроза. Это она превратила скульптуру в бесформенную массу, приведшую в восхищение критиков.

А случается, что художник, не уповая на стихийное бедствие, сам создает нечто, смахивающее на бесформенную массу. Но ежели его имя уже внесено в книгу славных, равнодушные слепцы-бандуристы немедленно слагают в его честь новую хвалебную «думку», воспевая на все лады неудачное произведение.

Есть знаменитости и есть «идры». Последние обязаны своим появлением на нашей планете некультурности и бестактности газетных репортеров. Например, на каком-нибудь торжестве присутствовали и выступали пять деятелей искусства и литературы. Четыре знаменитых и один не знаменитый. В газетном отчете говорится:

«Выступали с речами такие-то (следуют фамилии четырех знаменитых) и др.».

Вот от этого «и др.» и родилось название «идры».

Но, в отличие от репортеров, критики уделяют максимум сурового внимания «идрам» и минимум — прославленным. О них или вовсе молчат, или же пишут статьи елейно-юбилейного характера.

У самых даровитых и талантливых художников встречаются неудачи и срывы. Даже невооруженным глазом видно, что и на солнце есть пятна. По солнце не померкнет от того, что мы критически отзовемся об этих его недочетах.

Меж тем многие критики и близкие друзья солнца (они именуются светилами) втихомолку толкуют о пятнах, иронизируют и посмеиваются, а в глаза говорят нараспев:

— Мэтр! Это — гениально!

Поэт, живописец или драматург получил за свое новое прекрасное произведение звание лауреата. Мы все рады за него. Горячо поздравляем.

Но это поздравление не должно обернуться в клятву бездумно влюбленного, который обещает хранить верность до гроба и прощать лауреату все его будущие грехи и прегрешения. А ведь может случиться (чего только в жизни не бывает!), что сей многоуважаемый товарищ, споткнувшись о свой лавровый венок, разрешится чем-то хилым и недоношенным.

Это может случиться. И случается. Но опять-таки, по примеру прошлых сезонов, клубится приторный дымок:

— Мэтр! Это — превосходно!..

В ходу этакий джентльменский набор слов для сокрытия пятен на солнце.

Если, скажем, именитый литератор, недавно писавший живые, интересные вещи, сочинил скучную повесть, в рецензии будет сказано:

«Талантливый автор сумел преодолеть прежнюю легкость своего пера, и новая манера его письма доказывает, что он еще не отказался от творческих исканий».

Если высокоавторитетный живописец, не щадя авторитета своего, показал на очередной выставке бледный и унылый пейзаж, то в отчете о выставке можно наткнуться на следующие строки:

«Талантливый художник, не погнавшись за яркостью красок, сумел в скупых штрихах дать почувствовать свое бодрое жизневосприятие и радостное мироощущение».

Если давно нашумевший драматург подарил нам плохую пьесу, то критик вскользь отметит, что талантливому автору удалось что-то там «поднять», «поставить» и «разрешить», а вслед за этим громовержец весь свой неизрасходованный сарказм обрушит на театр, который или «не донес» или «перенес».

Попадаются у нас такие ценители искусств, которые носят в кармане список мастеров, нуждающихся в ежедневном восхвалении. Возьмем, к примеру, такую область, как живопись и графика. Здесь мы имеем бесспорные успехи. Но бывает, что некий заслуженный или народный вдруг в своей новой работе оказывается не на высоте. И вот, представьте себе, что об этом появилась статья в «Советском искусстве». От неожиданности все остальные художники были бы ошеломлены. Да, это было бы полным сотрясением МОССХ.

***

Мы не раз слыхали из уст подлинных мастеров горькие упреки по адресу критики, которая должна им помогать, но которая вместо помощи угощает их сладенькими конфетами.

Об этих конфетах в свое время писал И. Репин критику В. Стасову.

Стасов в газетной статье восторженно приветствовал какое-то новое произведение Репина, которым художник был не совсем доволен.

Репин сказал Стасову:

— Знаете, мне даже обидно: что это Вы? Вы знаете, как я Вам верю и ценю Вашу правду! И вдруг я подумал: Что если он начал стареть и всем хочет на закуску по конфете подносить? Что, если и мне начинаете подслащивать? Ради бога, бросьте эту манеру — я ее ненавижу...

Конфеты — вкусная штука. Но если злоупотребить сим лакомством, — становится не по себе.

Гр. РЫКЛИН.

Дайте же школе книгу!

В преподавании литературы в старших классах еще много недостатков. Но не все они зависят от школ и учителей. Учителя должны пред'явить свой счет и к Министерству просвещения и к издательствам, снабжающим школу художественной литературой и пособиями.

Истрепались, отжили свой недолгий век издававшиеся до войны книжки «Дешевой школьной библиотеки». Их нет... А как их нехватает! На романы Гончарова, Тургенева, Толстого в библиотеках очередь! Многие ученики знакомятся с этими произведениями в читальнях, просматривая книги наспех, выпуская целые главы.

Школьные библиотеки крайне бедны и не в состоянии удовлетворить самые элементарные потребности в книге учеников 8—10-х классов.

Коллектор Когиза снабжает библиотеки школ книгами Детиздата, книги других издательств в школу не попадают. Их, конечно, можно купить. Но... по безналичному расчету менее чем на 300 рублей купить нельзя, а наличных средств у библиотекаря не бывает.

То же и с журналами. Юноши и девушки, выходящие в жизнь, не имеют возможности читать толстые журналы «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», — их в школы не дают! Лимит очень жесткий: на новый, 1948 год в нашу школу дали... один журнал... «Мурзилку».

Не лучше обстоит дело с новинками советской литературы. Они попадают в библиотеку школы с большим опозданием и далеко не все!

Но если художественная литература все же как-то представлена (в очень сокращенном виде) в хрестоматиях, то критических статей в этих пособиях, по непонятным причинам, почти нет.

Все это обязывает нас внести следующие предложения:

1. Возобновить издание «Дешевой школьной библиотеки», включив в эту серию лучшие произведения советских писателей и иностранных классиков.

2. Издать для школы сборник высказываний о литературе Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

3. Издать критические сборники (по авторам) — серию небольших и недорогих книжек, включающих все лучшие, тщательно отобранные статьи.

Если школа будет обеспечена необходимым количеством текстов художественных произведений для изучения литературы, то многочисленные и серьезные недостатки в обучении и воспитании, о которых так много говорят и пишут, будут скорее изжиты.

Преподаватели литературы
Г. АМИТИРОВ (188-я школа),
Н. КИТАЕВ (186-я школа).

г. Москва

«МЫ ИЗУЧАЕМ ЛИТЕРАТУРУ СО СЛОВ УЧИТЕЛЯ»

Уважаемая редакция!

Просим Вас помочь нам, ученикам старших классов, в нашем безвыходном положении. Мы изучаем литературу XVIII—XIX—XX веков и советскую, но изучаем ее только со слов учителя. Нет у нас тех произведений, которые требуются по программе. К нашему стыду, мы почти ничего не читали, потому что в школе нет книг Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Герцена, Гончарова, Л. Толстого и других классиков. А о современной литературе мы только слышали от учителей. Мы даже плохо знаем произведения А. М. Горького, ибо нам их негде взять.

Во многие места мы писали, но, видимо, никого не трогает наша беда. А ведь мы — на пороге выпуска, мы скоро закончим 10-й класс. И мы не хотим выйти в свет неучами.

Очень просим Вас указать пути для приобретения необходимой нам литературы. Мы Вам будем очень благодарны.

О приветом к Вам, ученики 10-го класса Упороковской средней школы № 3, Ярославского района, Краснодарского края.

Либеральные фразы и слезливые воздыхания

Девятый класс одной из московских школ в наши дни. Начинается урок одного из любимых предметов — русской литературы. Преподаватель говорит о Тургеневе и Некрасове. Но что он говорит! Он пытается убедить советских подростков в том, что настроение тургеневского стихотворения в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» должно быть им близко и понятно, ибо «....это печаль человека, чувствующего старость, приближение смерти (что рано или поздно будет пережито каждым из нас)».

С недоумением должны были школьники воспринять это обращенное к ним зловещее пророчество!

Далее преподаватель утверждает, что «...у Некрасова печаль — основной тон его поэзии» и что произведениям его присущ «минорный характер». К удивлению учеников, учитель забыл о том, что в творчестве великого поэта печаль была неотрывна от чувства гнева, от стремления мстить хозяевам старой России — ведь «музой мести и печали» называл свою поэзию сам Некрасов.

Кажется анекдотическим и невероятным, что такой урок мог иметь место в Москве в 1947 году. Правда, мы не ручаемся за то, что все приведенные нами об'яснения преподавателя были даны в течение одного урока, но что именно такая трактовка классических литературных произведений преподносилась школьникам Москвы,—тому есть неопровержимое доказательство. В сборнике «Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда в 1946/47 учебном году», только что изданном Учпедгизом под маркой Управления школ Министерства просвещения РСФСР, среди прочих материалов напечатан отчет М. Фатеева, учителя 205-й московской школы, под заглавием: «Идейно-политическое воспитание на уроках литературы». Из этого отчета и заимствованы дословно вышеприведенные «об'яснения».

В своем выступлении М. Фатеев пытается дать и общее определение идейности в преподавании литературы в школе. Именно такая попытка и заставляет говорить об этом удивительном документе.

В классической литературе М. Фатеев видит не одно из средств, помогающих воспитать нашу молодежь бодрой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей и препятствий, а лишь повод для напыщенной, но пустой декламации и столь же пустых слезливых воздыханий. Вероятно, с его точки зрения, «Отцы и дети» и «Как хороши, как свежи были розы...» одинаково ценны для воспитания молодежи, и не вредно было бы для исчерпывающей полноты, — как он изящно выражается, — «гаммы человеческих переживаний» ввести в школьную программу и «Записки из подполья».

Преподавание литературы обязано быть страстным и эмоциональным. Это правда, но эта страстность и эмоциональность должны быть пронизаны ясной, глубокой научной мыслью, направляющей все чувства к одной великой цели — к коммунизму. Этого не понимает М. Фатеев. Иначе он увидел бы, что в основе тургеневского стихотворения в прозе лежит та скорбь об ушедшей и увядшей красоте, которую критиковал еще Чернышевский. Великий материалист указывал, что красота каждого поколения «увядает вместе с ним, — у последующих (поколений.—Я. Е.) будет своя, новая красота, и жаловаться тут некому и не на что». А М. Фатеев непрочь превратить нашу молодежь в сентиментально-слезливых, а по сути равнодушных старичков, созерцателей и гурманов, дегустаторов всякого рода эмоциональных деликатесов.

За такое извращение основных задач преподавания литературы в советской школе отвечает, разумеется, не только сам М. Фатеев, но, в первую очередь, Управление школ Министерства просвещения РСФСР, напечатавшее это выступление в назидание всему советскому учительству.

Я. ЕФИМОВ.

«ОКТЯБРЬ» № 12

Декабрьская книжка журнала «Октябрь» открывается очерком А. Литвака «Главное направление». В номере напечатаны: окончание романа Е. Поповкина «Семья Рубанюк», третья часть поэмы А. Безыменского «Трагедийная ночь». В разделе публицистики — очерк Марлэтты Шагинян «По дорогам пятилетки». В разделе «Трибуна писателя» помещены статьи Т. Мотылевой «Об утверждающем и критическом начале в социалистическом реализме», акад. В. Шишмарева «Александр Веселовский и его критики», И. Дмитракова и М. Кузнецова «Александр Веселовский и его последователи», В. Шкловского «Александр Веселовский — историк и теоретик» и Н. Глаголева «К вопросу о концепции А. Н. Веселовского».

Президиум Союза советских писателей с прискорбием сообщает о смерти

Сергея Львовича ТОЛСТОГО,

последовавшей 23 декабря. Гражданская панихида — 25 декабря, в 12 час. дня в Государственном музее Л. Н. Толстого, ул. Кропоткина, 11. Погребение — на Введенском кладбище (Лефортово) 25 декабря, в 2 часа дня.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01596.